Инквизитор поневоле

Автор:
Александр Курзанцев

Инквизитор поневоле

Александр Олегович Курзанцев

Как я учился в магической школе #2Попаданец (АСТ)

Первый год обучения пройден. Ты выжил, и это радует, и даже инквизиторские застенки не сильно смущают, ведь теперь ты один из них. И знаний прибавилось, и артефакты приходят в руки один другого сильней, и окружающие смотрят на тебя со смесью уважения и страха…

Так почему ощущение, что судьба все равно держит дулю в кармане?

Александр Олегович Курзанцев

Инквизитор поневоле

© Александр Курзанцев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Проснулся я от какого-то странного ощущения. Замер, не открывая глаз, настороженно прислушиваясь к себе и к окружающему пространству. Что-то

было явно не так. Однако что конкретно – я все не мог понять. Впрочем, посторонних вокруг не ощущалось, и я осторожно приоткрыл один глаз, оглядывая родной уже мне чердак.

Вот только стоило мне это сделать, как раздался мелодичный звонок, и сразу за ним приятный женский голос из ниоткуда произнес:

– Добро пожаловать в Систему!

Я распахнул оба глаза, а в паре метров прямо передо мной в воздухе сложились слова, повторяющие только что сказанное вслух.

– Глюк какой-то, – пробормотал я и попробовал покрутить головой из стороны в сторону. Надпись послушно перемещалась вслед за ней, оставаясь ровно по центру. – Опять Сева с настойками намудрил?

Я нажал пальцами на глазные яблоки, но эффекта это не принесло – надпись упорно не собиралась никуда деваться.

– Желаете взглянуть на окно персонажа? – предложил голос неизвестной, и приветственная надпись сменилась двумя прямоугольниками с надписями «Да» и «Нет».

Почесав затылок в попытках понять, что за персонажа она имеет в виду, я буркнул:

– Да. – И передо мной тут же развернулась разбитая на блоки таблица, перекрыв почти все поле зрения.

– Ну ни хрена ж себе, – окинул я взглядом где-то сотню строчек. Приглядевшись, в самом верху прочел:

Имя: Ширяев Павел Алексеевич

Возраст: 34 года

Известные прозвища: Мужиковедьм, Ведьмак, Темный властелин

– Что за бред… – сказал я, но тут же стал читать дальше, начиная испытывать легкий когнитивный диссонанс.

Основной класс: Маг II ранга

Направление: Магия проклятий

Престиж-класс[1 - Престиж-класс не получает штрафов при разнице в ранге более чем на один с основным классом, а персонаж не считается мультиклассовым.]: Инквизитор I ранга

Направление: –

– Я что, до кучи еще и в ЛитРПГ попал? – промелькнули в моей голове страшные подозрения, которые только укрепились, когда я перевел взгляд ниже.

Основные характеристики:

Сила: 12

Уже не мальчик, но еще не мужчина. Тяжелая броня и двуручный меч будут для вас непомерной ношей, но посох мага вы удержите вполне.

Ловкость: 7

Виртуоз – это не про вас. Пусть вы уже не роняете молоток себе на ногу, только взяв его в руку, но по гвоздю попадаете не всегда.

Выносливость: 14

Зайца в поле вы не загоняете, но с двуногими соплеменниками посоревноваться можете.

Интеллект: 16

Наиболее важная характеристика вашего основного класса. Вы еще не гений, но обладаете весьма пытливым умом. И даже если не знаете ответа на вопрос, то всегда сможете его придумать.

Сила воли: 21

Наиболее важная характеристика вашего престиж-класса. Вероятно, вы перенесли в жизни что-то такое, что закалило вас и сделало вашу волю несгибаемой. Вы умело сопротивляетесь ментальному воздействию, идете наперекор обстоятельствам и этим способны вызывать безотчетное доверие окружающих и готовность вам подчиняться.

Харизма: 7

Обаяние – не сильная ваша сторона. При вашем появлении окружающие хоть и не морщатся, но и страстью к вам не воспылают. Вам нелегко разговорить людей и наладить с ними контакт, а ваши пламенные речи вряд ли соберут вам множество последователей. Смиритесь, не всем же быть Казановами.

– Очень смешно, – даже слегка обиделся я на такую оценку моей харизмы. Хотя сила воли приятно грела душу. Интересно, а у Глушакова какие статы? Впрочем, я тут же запретил себе об этом думать. С учетом непомерной крутизны Сергея в каждой из характеристик могло спокойно и по пятьдесят очков стоять.

Отношения с государствами:

Империя Карн – нейтрально

Светлое королевство эльфов – ненависть

Анклав гномов – подозрительность

– А гномы-то тут с какого боку? – удивился я. – Вроде ж не встречались даже.

Матриархат темных эльфов – интерес

– А у этих интерес с чего вообще? – помотал я головой, совершенно уже ничего не понимая.

Последними шли вампиры, но с ними было все предсказуемо нейтрально. Зато дальше…

Отношения с фракциями:

Академия магии империи Карн – подозрительность

– Подозрительность?! – завопил я, увидев окрашенную тревожным оранжевым цветом надпись. – И это после всего-то?! Да кто они вообще после такого?!

Инквизиция империи Карн – подозрительность

– И эти тоже?! Я же свой! – схватил я валявшуюся на стуле подле кровати мятую инквизиторскую робу и яростно потряс в воздухе перед табличкой. – Это-то как понимать?!

Пограничная стража империи Карн – неприязнь

– Эх… – махнул я рукой. Тут уши семейства Касов были видны издалека.

И наконец, четвертой фракцией, отметившей меня своим вниманием, был…

Конклав ведьм (тайн) – интерес

– Как и у матриархата, – резюмировал я. – А еще пишут, что у меня харизмы мало. Не быть мне Казановой, да, – передразнил я уничижительную запись под статой.

Смущала, правда, приписка в скобочках. То бишь что, конклав этот тайный? Да и кто они вообще? Интересно, Элеонора о нем знает?

В общем, вопросов пока оставалось немало.

Табличку с резистами я просмотрел без интереса, ведь ничего выдающегося там не было, а вот на достижениях остановился поподробнее.

Альтернативно одаренный – вы преуспели там, где традиционно силен женский пол. Повышен интерес к вам фракций под управлением женщин и их представителей.

За «альтернативно одаренного» было чуточку обидно, однако стало понятно, откуда взялось такое ко мне отношение матриархата и конклава. Харизма оказалась совершенно ни при чем.

Странная удача – вам часто везет, но всегда есть как минимум один нюанс.

Описание было коротким донельзя, но я, пожалуй, догадывался, с какой стороны член …

Сердцеед

– к вам испытывают влечение не менее десяти представителей противоположного пола.

«Девчонки, кто же еще, – подумал я, с теплотой вспоминая одногруппниц. – Угораздило меня, конечно. Но ничего, прорвемся».

Последним шло самое сомнительное, на мой взгляд, достижение:

Неугодный

– вы смогли вступить во фракцию, имея с ней отрицательную репутацию. Прекрасное достижение, но не ждите, что вас будут там любить и носить на руках.

– Кто бы сомневался, – буркнул я.

Дальше следовал список навыков и известных заклятий. Уровень прокачки навыков был откровенно мал, а перечень заклинаний – скуден. Похвастаться

оказалось нечем, и я со вздохом произнес:

– Убирай.

Табличка послушно свернулась, и все тот же голос спросил:

– Желаете открыть меню справки по Системе?

– Конечно, желаю, – ответил я.

Но тут вдруг, заглушив женский, раздался грубый мужской голос, отдав короткий и властный приказ:

– Ширяев, подъем! После чего меня тряхнуло, и я… проснулся по-настоящему.

Глава 1

Сев на топчане, я с ожесточением оглядел хуже горькой редьки надоевший за три месяца кукования серый камень инквизиторских застенков.

– Какая еще «Система», какое литРПГ? – прошипел я, не обращая внимания на пристально наблюдающего охранника.

Поднялся, не забыв поправить за собой одеяло – с порядком тут было строго. И с сожалением констатировал:

– Похоже, кукуха уже того, начинает ехать.

– Разговорчики! – прикрикнул на меня чертов дубак, и я молча принялся одеваться. Инквизиторской робы мне не выдавали, и натягивал я все ту же черную ученическую мантию, в которой меня и забрали.

Неизвестность – вот что мучило больше прочего. Всего один раз ко мне пустили делегацию от академии: ректора с Элеонорой и Сергеем – но они ничего толком

сказать не смогли, в основном пытались подбодрить. По крайней мере, Глушаков. И всё.

Несколько раз вызывали на допрос. Правда, незнакомые инквизиторы все время недобро косились на печатку на моем пальце. Чудилось, что, будь их воля, так они бы мне палец с этим кольцом отрубили. Неприятие в их голосе прямо сквозило. Но последний допрос был с месяц назад, и от одиночества я уже начинал звереть.

– На допрос? – не выдержав, спросил я у конвоиров, что ожидали снаружи.

– Там скажут, – ответил усатый стражник, которого я помнил по прошлым моим выходам из камеры.

В общем-то, грубости ко мне, как и каких-то жестких мер, не проявляли. Все же я был носителем инквизиторского кольца. Поэтому соломенный матрац раз в неделю обновляли, а еду носили дважды в день, регулярно. Не ресторан, понятное дело, но, по крайней мере, было достаточно питательно.

Каких-то запретов или ограничений в пределах камеры у меня не было, поэтому, первую неделю тупо провалявшись на кровати, полный жалости к самому себе, со второй я взял себя в руки и составил примерный распорядок дня.

Утро я начинал примерно часа за полтора до первого приема пищи с хорошей – до пота – зарядки. Потом обтирался смоченным в воде полотенцем, завтракал, пару часов тренировался в составлении паутины известных заклинаний, затем снова приступал к физическим тренировкам с собственным весом, но уже длительным – до полного изнеможения. Далее был полуденный сон, после которого я садился и вспоминал теорию магии, по памяти восстанавливая учебные лекции. Ну а заканчивали мой день второй прием пищи, отдых и растяжка перед сном.

И так по кругу.

За три месяца на шпагат я, конечно, не сел, но уже мог выдать неплохой ура маваши на уровне своей головы. Вот, кстати, тоже выверт памяти, обострившейся в заключении – я вспомнил названия многих ударов из карате, которым сильно увлекался в детстве. Жаль только, что дело не ушло дальше

изучения биографии Масутацу Оямы и разглядывания картинок в кустарно выпущенной книге, посвященной киокушинкай карате, с попытками повторить увиденное дома. На секцию карате меня так и не отдали.

Зато теперь, скинув вес и регулярно растягивая связки, я вспоминал некогда виденные картинки и бодро лупасил стопой и внутренними поверхностями ладоней по каменным стенам, мудро следуя одному из принципов карате: «По твердому бей мягким, по мягкому – твердым».

Маваши гери, ура маваши, йоко гери, мае гери – я с удовольствием вспоминал забытые названия, катал их на языке, причмокивая от удовольствия, когда получалось особенно хлестко и громко влупить по камню. Наверное, это тоже спасало меня от отупения.

Когда мы прошли, не останавливаясь, мимо безликого ряда дверей, ведущих в допросные, а затем поднялись на этаж выше, я понял: что-то изменилось, что-то поменялось там, во внешнем мире, с которым у меня не было связи. Даже затеплилась робкая надежда, что меня наконец отпустят.

А затем я увидел знакомое лицо, самого первого встреченного мной в этом мире инквизитора – Амниса. Слегка осунувшийся, с темными кругами под глазами, он дождался, когда мы подойдем, и, махнув рукой, коротко бросил моим конвоирам:

– Свободны.

Стражи безмолвно развернулись, и я недоверчиво проводил взглядом их удаляющиеся спины. Неужели мое заточение заканчивается? Вот так, по одному небрежно брошенному слову?

Я бросил пристальный взгляд на Амниса и начал разговор:

– Старший инквизитор…

Но тот прервал меня, строго сообщив:

– Заместитель начальника городского управления и ваш непосредственный начальник, Ширяев.

Я резко замолчал, переваривая услышанное. Получается, меня все-таки признали инквизитором? А как еще понимать сказанное? Значит, точно, я свободен?

Последнюю фразу я, видимо, произнес вслух, потому что Амнис несколько резко заявил:

– Не обольщайтесь, Ширяев, вы теперь на службе. И свободы у вас будет ровно столько, сколько позволят долг, обязанности и воля начальника. Все понятно?

Я молча кивнул, не поднимая глаз, а инквизитор закончил:

– И служба эта продлится до самой вашей смерти, какой бы длинной или короткой ни оказалась ваша жизнь.

От того, как были сказаны эти слова, я невольно поежился. Веяло от них какой-то безнадегой.

Немного полюбовавшись моим мрачным видом, Амнис скомандовал:

– За мной!

Дальше все слилось в калейдоскоп стремительной беготни по этажам, где я что-то подписывал, что-то изучал, что-то забирал с собой… Под конец мне даже выдали инквизиторскую мантию и комплект обмундирования под нее, и я тут же, на складе и под бдительным взглядом каптера, переоделся. Взгляд у того был наметанный: подошло все, в том числе и обувь – добротные кожаные сапоги, напоминающие формой кирзачи из моего мира, только усиленные металлическими пластинами в носке и пятке.

– Теперь куда? – спросил я, приободренный происходящим. Все-таки после трех месяцев отсидки служба инквизитора даже с таким пугающим вступлением не казалась чем-то по-настоящему ужасающим.

– А теперь, – холодно, сразу сбив весь мой позитивный настрой, ответил мой новый начальник, – я покажу, что такое «мера ответственности» и к чему ее игнорирование может привести.

И мы снова спустились в подвал.

Чем ближе мы подходили к месту назначения, тем морознее становилось вокруг. Под конец из моего рта с каждым выдохом вырывалось облако пара, свидетельствуя о температуре сильно ниже нуля.

– Смотри внимательно, Ширяев. Смотри и запоминай, – произнес Амнис, когда мы остановились перед покрытой инеем деревянной дверью, – потому что это все – следствие твоих собственных поступков.

Он толкнул дверь, пропуская меня вперед. Вот только мне как-то сразу расхотелось заходить. Потому что большое помещение, открывшееся взору, было полностью заставлено столами, на которых лежали трупы. Много трупов – десятки, если не под сотню.

Даже отсюда мне было видно, что они все ужасно обезображены – у многих не хватало частей тела, а где-то наоборот, только отдельные части рук, ног…

– Что встал? Иди, смотри. Это тела горожан, погибших в стычке эльфов и пограничной стражи, что охотились за тобой. Две группы опытнейших бойцов на какого-то мага-недоучку. Забавно, не правда ли? И ведь столько народу перебили, а на тебе – ни царапины.

Несмотря на сказанное, в голосе инквизитора не было и намека на веселье. Скорее мрачное ожесточение.

– Я не знал, что так будет, – тихо сказал я.

– Зато теперь знаешь, – так же тихо ответил Амнис. – И отныне спрос за подобное с тебя будет уже стократ сильнее. Инквизитору такое не прощается.

Простояв с минуту в гробовом молчании, он закрыл дверь.

– Пойдем.

– Куда? – по въевшейся привычке поинтересовался я, на что замначальника только тяжело вздохнул.

Правда, никакой интриги не получилось, так как пришли мы, по всей видимости, в его собственный кабинет.

– Садись, – властно приказал Амнис, пальцем ткнув в стул у стены.

Захотелось пошутить, что за три месяца насиделся, но не стал. Не стоит вот так с ходу злить начальство, которое и без того не шибко довольно. Покорно присел, положив ладони на коленки.

– Держи.

Порывшись в шкафу у стены, инквизитор достал книжку в толстом кожаном переплете и сунул мне в руки. Раскрыв ту, я понял, что это блокнот или ежедневник, причем чистый.

– Будешь записывать сюда поставленные задачи и ход их выполнения, отчет раз в месяц либо по выполнению.

Я покрутил ежедневник в руках и спросил:

– А мое место работы?

– С учетом твоего не до конца выбранного потенциала, – ответил Амнис, садясь за стол, – руководством было принято решение вернуть тебя в академию для дальнейшей учебы. Но! – он поднял ладонь, не давая мне раскрыть рот. – От службы на благо империи это не освобождает, так что параллельно будешь выполнять задачи от управления.

– И что я должен делать?

Тут замначальника растянул рот в хищной улыбке и сказал, прищурившись:

– В академии обучаются несколько делегаций иностранных государств: светлых и темных эльфов, вампиров, а также с нового учебного года прибывает делегация из Кайратского султаната. Вот отслеживание их деятельности и выявление среди них замаскированных агентов разведки и будет первой твоей задачей. Ты записывай, записывай, – кивнул Амнис в сторону ежедневника, и я, спохватившись, принялся корявым почерком выводить описание данного мне поручения.

Вопросов у меня имелось миллион. Начиная с того, что я знать не знал, что такое «Кайратский султанат», и заканчивая тем, что я совершенно не представлял, как выявлять агентов, что явных, что замаскированных. Но спросить пока возможности не было, поскольку шла постановка следующей цели.

– Второй задачей для тебя будут поиск и подбор среди представителей делегаций так называемых КНС – кандидатов на сотрудничество. С перспективой их дальнейшей работы на инквизицию.

На это я только кивнул, записывая, однако вопросов стало еще больше. Умом-то я понимал, чего от меня хотят, но вот как это все делать? В бытность свою видел я как-то интересный американосовский фильм «Шпионские игры», как раз про работу разведок. Так там главный герой в доверие к людям без мыла втирался, мог врать на ходу с самым серьезным лицом, авантюристом был высшей пробы. А я? Я даже с девушкой на улице познакомиться не могу, робею. Куда мне до такого.

Но это было еще не все, и следующим пунктом Амнис, по-видимому, решил меня добить.

– И третьим для тебя заданием будет общее курирование академии на предмет занятости ее студентами и преподавательским составом незаконной магической и иной деятельностью, выявление таковой и пресечение. Записал?

– Записал, – убитым голосом произнес я.

Если первые две задачи были геморройными в силу слабости моей практической и теоретической подготовки, но принципиально нерешаемыми не являлись, то третья оказалась прямо-таки гвоздем в крышку моего гроба, ибо академия была велика, студентов – тысячи, а преподавателей – с сотню точно. Такой объем

одному охватить просто нереально.

Я вспомнил свой сон – вот уж точно неугодный! Похоже, мою дальнейшую жизнь кое-кто, не будем показывать пальцем, решил превратить в персональный ад.

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что куча народу занимается сомнительными с точки зрения закона делишками. Особенно среди магов. Тех хлебом не корми, дай поэкспериментировать с запрещенкой. Выявить все в одиночку? Да проще повеситься.

И я, кажется, извращенную логику начальства понимал. Загрузить меня заведомо невыполнимой работой и потом с удовольствием наказывать за неисполнение. А если еще и окажется, что тут как в НКВД, то есть «выговор, строгий выговор, расстрел», то в инквизиторах я пробуду не слишком долго.

Я уж было хотел бросить этот ежедневник Амнису в лицо да высказать все, что о нем думаю, как тот неожиданно добавил:

– Первый год службы считается обучающим, и оценивается не столько результат работы инквизитора, сколько проявленные смекалка, усердие и наличие иных необходимых навыков. Но это не значит, что можно халатно относиться к выполнению поставленных задач, так как по окончании года будет комиссия по оценке профпригодности и определение дальнейшего места службы. И уж поверь, есть места, куда ты точно не захочешь попасть. К примеру, на границе Мертвых пустошей мало кто доживает до пяти лет.

Тон замначальника на секунду стал угрожающим, и я, сглотнув, поинтересовался:

– А почему именно пять?

– После первых пяти лет самостоятельной работы идет обязательная смена места службы, уже бессрочно.

– А почему не доживают?

– Спасибо магам древности. Что там делали и зачем – до сих пор непонятно, но лезет оттуда стабильно всякая инфернальная дрянь. Благо там горы неприступные, и только в одном месте с десяток километров кряжа срыло до основания. Постоянно находится имперский легион, и туда же уходят до трети недоучек из магической академии.

– Зачем? – недоуменно спросил я.

– Что «зачем»?

– Зачем туда из магической академии уходят? – переспросил я, искренне не понимая тяги рисковать собственной шкурой. А что место откровенно жареное – понятно сразу.

Амнис дернул бровью, задумчиво посмотрел вдаль, но все же произнес:

– Деньги, но это для меньшинства, на кусок хлеба маг и так заработает. Большинство же считает, что в боевой обстановке они смогут поднять собственный магический потенциал, не идя в кабалу к мастерам и магистрам.

– И получается?

– Иногда, после особенно жарких боев, – ответил инквизитор. – Вот только выживают в итоге единицы. Впрочем, можешь своего знакомца из академии поспрашивать, Глушакова. Он там бывал.

Подождав, пока я переварю все сказанное им, Амнис встал и сообщил:

– Что ж, на этом вводный инструктаж окончен. С этого момента вы официально зачислены в штат управления, инквизитор Ширяев, и вам незамедлительно следует убыть к месту службы и учебы. Поэтому не задерживаю.

Палец замначальника городского управления просвистел мимо моего лица и недвусмысленно ткнул на дверь.

– И всё?! – опешив, переспросил я, переводя взгляд с пальца на дверь и обратно. – А как же объяснить мои права и обязанности? Обучить азам, методам,

способам работы? Явки, пароли? Я же совсем ничего не знаю!

– Ах да, – будто бы вспомнил Амнис и достал небольшую толстенькую книжицу в потрепанном переплете. – Вот здесь все есть, брат инквизитор. Читайте, и откроется вам свет истины.

Я ошалело принял ее и, взглянув на обложку, прочел: Гернард Би. «Наставление инквизиторам».

– А теперь идите, Ширяев, идите.

– А ведро? – уже на выходе вспомнил я о своем боевом артефакте-накопителе.

– А ведро, как вы выразились, до конца следствия побудет у нас. Как вещдок, – веско ответил Амнис, оставив меня ни с чем.

Двумя месяцами ранее. Мифриловый зал Нурхарундона – столицы гномьего царства. Малый круг старейшин

– Итак, старейшины, мои агенты среди людей доложили, что в империи Карн замечен новый адамантиевый артефакт, – взявший слово Насин, глава рода Трамдуров, степенно огладил накладную бороду, оглядывая собравшихся. Ненароком отметил, что борода Вамбу, главы рода Цармюнин, наклеена слегка криво, придавая тому глуповатое выражение. Мысленно вздохнул.

Переход в новый мир, случившийся тысячу лет назад, всем гномам дался нелегко. И дело даже не в том, что уходить из старого и умирающего мира приходилось в спешке. Борода – вот что составляло самое большое горе подгорного народа. В этом мире она не росла. Совершенно. Что-то было в магии, пронизывающей этот мир, что не давало расти средоточию магической силы гномов.

Так уж повелось издревле, что их магия напрямую зависела от длины и густоты бороды, служащей зримым подтверждением личного могущества. Но этот мир… О, здесь гномов ждало самое большое потрясение. Их магия больше не работала. Бороды не росли, а те, что были, в несколько дней выпали до единого

волоска, оставив подбородки голыми и безволосыми, словно у молокососов, едва оторвавшихся от мамкиной титьки.

Большего позора нельзя и представить.

Нет, они пережили его, сгорая от стыда и проклиная враждебную к гномам землю, ибо назад-то дороги не было. Но мириться с ним… Нет. Вот поэтому уже тысячу лет родные бороды заменяли весьма искусные подделки, а наклеивание первой бороды у молодых гномов почиталось за принятие зрелости. По длине же бороды можно было судить о статусе и положении владельца.

Со временем прошлое забылось. Только старейшины помнили, как оно было до исхода, и нет-нет да смахивали скупую слезу, сожалея об утраченной гномьей магии.

– Ну замечен и замечен, – ворчливо произнес Будух, старейшина Казюгандов, – мало ли их ходит по свету. Надо поднять учетные книги да сравнить. Карточку движения артефакта дополнить, если был в аренде и срок вышел, или передавался конкретному роду, то отправить группу и изъять.

– Нет, вы не поняли, друзья мои, – терпеливо продолжил Насин. – Артефакт действительно новый. Такого в наших картотеках нет.

Вот тут-то старейшин проняло по-настоящему. Добыча и обработка адамантина были одной из главных тайн гномьего царства, залогом их спокойствия и безбедного существования. А утечка секрета на сторону… О таком старались даже не думать.

Зал мгновенно взорвался хором нестройных голосов, и главе Трамдуров пришлось изрядно поколотить молотком председателя по столу, оставив на том даже парочку сколов, прежде чем наступила относительная тишина.

– Артефакт предположительно в форме ведра, пользуется им кто-то из магической академии, вероятно, преподаватель. Более точных сведений нет. Дело осложняется тем, что в академии обучается группа светлых эльфов.

Гномы вновь забурчали. Если прочих худо-бедно терпели, то вот дылд остроухих, помешанных на превосходстве собственной расы, тут, мягко говоря, не любили, слишком уж разными были их интересы и взгляды на место в мире.

– Поэтому я считаю, – повысил голос Насин, – что поиск артефакта нужно проводить силами наших союзников из Кайратского султаната. Султан нам не откажет, слишком многим обязан. Кто за?

Оглядев собравшихся и привычно отметив, кто, принимая его предложение, поднимает руку быстро, а кто и с некоторой неохотой, он довольно усмехнулся – решение принято единогласно. Недаром уже сотню лет Насин был председателем Совета Старейшин.

Глава 2

Родная академия встретила пустотой и затишьем. Как я успел узнать, две недели назад закончились выпускные экзамены, и все студенты на месяц разъехались по домам.

Подметая брусчатку аллеи полами инквизиторской мантии, я пересек парк, что занимал все пространство от входа в академию и до самого высокого административного корпуса, и в гордом одиночестве поднялся по ступеням крыльца.

Коридоры заполняла звенящая тишина, в которой гулко отдавались шаги моих подкованных сапог. Так никого по пути и не встретив, я беспрепятственно дошел до приемной ректора и, пройдя ее, постучал в дубовые створки ректорского кабинета.

– Войдите, – раздалось оттуда приглушенно, и, последовав приглашению, я распахнул дверь.

Зора Кхан был один. Без остроконечной шляпы, в своих очках-четвертинках он, как обычно, сидел за столом и вдумчиво что-то изучал.

Под его внимательным взглядом, от которого не ускользнули ни моя мантия, ни кольцо на пальце, я пересек комнату и сел в то же самое кресло, что и год назад. Невольно подумал: «Ничего себе, уже год, вот время-то летит».

Видимо, те же мысли посетили и господина архимага, потому что он вдруг огладил ладонью длинную белую бороду и, чуть усмехнувшись, добродушно сказал:

– А вы изменились, Павел Алексеевич, и не только телом. В прошлую нашу встречу здесь у вас не было во взгляде такой внутренней силы. Тогда передо мной сидел, извините, конечно, за прямоту, обрюзгший боров, привыкший плыть по течению и давным-давно махнувший на себя рукой. А теперь… вас просто не узнать.

Задумчиво посмотрев поверх головы ректора, я ответил:

– Испытания меняют, а мне их выпало куда больше необходимого.

– Верно, – кивнул головой Кхан. – Но вы с честью их преодолели и, уверен, готовы к новым свершениям…

– В жопу.

– Что, простите?

– Говорю, в жопу эти ваши свершения, – четко, раздельно и едва ли не по слогам произнес я, наклоняясь к ректору. – И вообще, я пошел к себе, прошу меня не беспокоить.

Поднявшись под взглядом молчаливо шамкающего ртом архимага, я вышел в приемную и крепко захлопнул за собой дверь. Свершения ему новые подавай, ага. Со старыми бы разобраться.

Выбравшись наружу, я побежал вниз по ступенькам, чертыхаясь на архимага, что с пол-оборота сумел-таки меня завести, в итоге снова запутался в полах длиннющей мантии и, не удержавшись, с последней ступеньки полетел носом вперед, прямиком на очень твердые и явно чрезвычайно болезненные камни

брусчатки. Причем в процессе одна нога как-то очень неудачно подвернулась, и падал я практически боком, не успевая повернуться и хотя бы подставить руки, чтобы смягчить удар. Расшибся бы точно, если бы вдруг между мной и брусчаткой не возникла воздушная линза, что, словно надувной матрас, нежно приняла мою тушку в свои объятья.

– Спешите, святой отец?

Я ругнулся и, с кряхтением подымаясь и зло одергивая проклятую робу, буркнул:

– Какой я тебе святой отец… – а затем поднял голову и неожиданно для себя закончил: – …Дитя мое.

Потому что напротив меня стоял сущий ангелочек. Девица с волосами цвета воронова крыла в каких-то восточного вида одеждах, не столько скрывающих, сколько подчеркивающих красоту стройных ножек, осиной талии и высокой груди. Лицо ее оказалось прикрытым полупрозрачной газовой тканью, сквозь которую виднелись пухлые алые губы, а глаза – единственная, ничем не скрытая часть лица – были ярко подведены и буквально утягивали в свою зеленую бездну.

Выражение моего лица, видимо, стало донельзя глупым, потому что девушка весело рассмеялась.

– Вы так неожиданно замолчали, святой отец. Меня зовут Ниике, а вас?

– Паша… э-э, Павел… эм, Павел Алексеевич…

Я помотал головой, пытаясь отделаться от наваждения. Брюнетки, особенно такие красивые, всегда действовали на меня завораживающе.

– Вы такой забавный, – девушка вновь засмеялась своим мелодичным голоском. – Нас перед поездкой так пугали рассказами об инквизиции, а вы вовсе и не страшный.

– А ты… вы откуда? – я кашлянул, чтобы избавиться от внезапно появившейся в голосе хрипоты.

– Мы из Кайратского султаната, приехали поступать в академию, – ответила собеседница, и я вдруг вспомнил про поставленные мне Амнисом задачи. Шпионкой это чудесное создание не могло быть по определению, а вот в качестве кандидата на сотрудничество… Я представил, как вербую ее, и неожиданно чуть покраснел.

– И много вас? – спросил я, стараясь отвлечься от дурных мыслей.

– Девять, четыре девушки и пять юношей. Вот и они, кстати, – будущая студентка обернулась и задорно помахала показавшейся из-за угла делегации.

Я взглянул на представительную группу в цветастых одеждах и сразу понял, что там далеко не восемь человек, а все двадцать, причем часть – весьма солидного возраста.

– Ниике-хатун, опять ты убежала от нас, – укоризненно произнес высокий крепкий мужчина в тюрбане и с шикарными усами под носом. Он, кстати, единственный был одет в почти полностью черные одежды, представлявшие собой толстый, с нашитыми на нем круглыми металлическими пластинками халат.

– Баклу-бей, вы всегда так медленно ходите, мне сразу становится скучно, – надула губки девица.

– Если с вами что-нибудь случится, ваш отец будет крайне недоволен, поэтому еще раз убедительно прошу: не сбегайте в одиночку. Я или любой другой верный подданный султаната должен постоянно находиться рядом, – не принял шутливого тона усатый.

– Ох, ну что тут со мной может произойти? Тем более здесь со мной святой отец, а инквизиция, что бы про нее у нас ни болтали, как раз следит за порядком, – девушка обернулась в мою сторону, и мне не оставалось ничего иного, как подтвердить сказанное степенным кивком головы.

Сразу, видимо, во мне инквизитора не распознали – может, лицом не вышел или мантия в глаза не бросилась, – но вот теперь вся делегация буквально вперилась в меня взглядами, да так, что я рефлекторно схватился за кольцо.

– Что вам нужно от Ниике-хатун? – низким, с легким намеком на угрозу голосом поинтересовался Баклу-бей, опуская руку на эфес кривой сабли, что крепилась на боку.

– Но-но! – рефлекторно сделал подшаг назад я, сощурившись. – Ничего мне от нее не нужно, наша встреча была случайной.

– Правда? – спросил у девушки усач, на что получил утвердительный ответ:

– Правда, дядя. Я просто помогла Павлу спуститься с лестницы.

– Уже «Павлу»? – Хмурое выражение все не сходило с лица занимающего непонятную должность в делегации мужика.

– Мы познакомились, – мило улыбнулась Ниике.

Черный еще раз оглядел меня и произнес с сомнением:

– Он не выглядит настолько немощным, чтобы ему требовалась помощь для спуска с лестницы.

Тут я понял, что происходящее начинает неуловимо напоминать форменный допрос, и, чего доброго, усатому хватит наглости попробовать допрашивать еще и меня. Да кто тут, в конце концов, инквизитор, он или я?

Кашлянув для придания голосу должной грубости, я бросил собеседнику:

– А вы, гражданин, собственно, кто?

– Я – Баклу-бей, назначен самим султаном Сирумяном в качестве главы делегации Кайратского султаната, – важно ответил тот.

– И с какими же целями вы прибыли в академию? – чуть склонил голову я, словно бы по-новому взглянув на присутствующих.

– Это не… – набычился было усатый, но я прервал его:

– Мое, уважаемый, мое это дело. Здесь, – обвел я рукой окрестности, – в академии, я представляю Великую Инквизицию, и все, я подчеркиваю, все, что происходит в ее стенах – это МОЕ дело. Поэтому извольте доложить.

К слову, Ниике, умничка такая, стояла чуть в сторонке, скромно потупив глазки, и молчала. Во-первых, похоже, этот нахал и ее успел достать, во-вторых, понимала девочка, что встревать сейчас между нами – это гарантированно попасть под раздачу, а в-третьих, узнай этот Баклан-бей, что она уже мне все разболтала, то еще, чего доброго, накажет потом.

Упомянутый же посверкал на меня глазами, грозно топорща усы, но, видать, репутация моей конторы возымела действие, и он ответил:

– В качестве доброй воли и для закрепления добрососедских отношений между нашими государствами великим султаном сии девять одаренных юношей и девушек были направлены сюда для обучения премудростям магии.

– Ну, раз добрососедскими, то добро пожаловать, – я чуть склонил голову, обозначая приветствие, после чего ткнул пальцем в сторону входа в административный корпус. – Архимаг там. Думаю, он с удовольствием зачислит новоприбывших на факультеты в соответствии с их наибольшей предрасположенностью.

– Спасибо, святой отец! – несмотря на хмурое зырканье Баклу-бея, тепло поблагодарила Ниике.

– Всегда пожалуйста, – ответил я. После чего, взмахнув полами мантии, гордо удалился, мысленно, однако, поставив себе зарубку: поинтересоваться, на какие специальности их распределят.

* * *

Чердак встретил меня ни на йоту не изменившейся обстановкой, разве что посреди комнаты стояло два массивных трона, занятых моей завкафшей Элеонорой и учителем тире товарищем тире земляком Глушаковым.

Как всегда она на черном, обвиваемом хищным драконом, а Серега на троне с золотыми львами по бокам.

– Хорошо сидите, – отметил я, разглядывая парочку самых близких мне в академии людей.

Сергей же поднялся, развеивая трон за спиной, и, в три коротких шага приблизившись, крепко обнял. Затем, пощупав окрепшие плечи, одобрительно хмыкнул и сказал:

– А я знал, что ты время терять не будешь. Оно и правильно, что еще три месяца в тюрьме делать – ешь, спи да тренируйся. И вес, я смотрю, подсогнал, и мышцы окрепли. Молодец!

– А мог бы, – привычно недовольным голосом встряла Элеонора, – это время посвятить магической науке. Небось, позабыл уже все, чему учили.

– Не все, – негромко ответил я, прищурившись. И внезапно метнулся к рефлекторно дернувшейся магичке.

Вот только вскочить с кресла она смогла, а с места сдвинуться – нет, потому что я, прикрываясь Глушаковым, одним из заклинаний, которые так упорно Сергей в меня вдалбливал, тихонько склеил подошвы ее сапог с полом, да не просто склеил, а полноценно соединил с взаимным проникновением структур друг в друга.

Она, думаю, просто не ожидала от меня такой прыти, потому как уровень магистра мне все-таки пока не по зубам. Но благодаря этому мне удалось подскочить вплотную и, задействовав через кольцо поле антимагии, впиться в ее приоткрытые от удивления губы грубым, жестким поцелуем.

А затем меня снесло к стене ударом. Даже отсутствие доступа к магии не забрало у девушки пассивного бонуса мастера магии жизни, выражающегося в сверхъестественных силе и здоровье. Правда, магия кольца, окружив меня незримым силовым коконом, спасла от повреждений, и я, целый и невредимый, тут же поднялся с пола, улыбаясь и демонстративно отряхивая пыль.

– А ведь этому мы его не учили, – с искоркой в глазах заметил Глушаков, разглядывая пышущую гневом магистершу проклятий.

– Если б не это кольцо – раскатала бы в блин! – яростно прошипела та.

– Но теперь у меня оно есть, – пожал плечами я, продолжая улыбаться. – Так что отныне все эксперименты будут проходить на моих условиях.

– Эксперименты?! – взвилась было магичка, но вдруг замерла, что называется, полностью уйдя в себя.

Плавно проведя пальцами по губам, девушка с каким-то нездоровым интересом посмотрела сначала на них, затем – на меня…

– У меня запас на полпроцента подрос, – сообщила она задумчиво-заинтересованным голосом. – Вот только не пойму почему. Еще раз так сделай, – неожиданно попросила завкаф.

– Как «так»? – задал я глупый вопрос, понимая: что-то опять пошло не совсем по плану.

– Ну… так! Напади на меня и поцелуй! – требовательным тоном пояснила Элеонора.

– Эм… э-э… – удивился я, но все же, неуклюже приблизившись, чмокнул ее в подставленные губы.

– Нет, – со вздохом произнесла она, – не то. Или это ты должен делать неожиданно, или тут что-то еще. Ну-ка, вруби поле антимагии.

– Может, тебя еще и связать? – скептически поинтересовался я.

– Может, и связать, – после секундного раздумья вдруг согласилась магичка. – Но потом.

– Да уж… кхе-кхе, – кашлянул в кулак Сергей, до сего момента молча взиравший на начинающее попахивать идиотизмом действо. – Это, пожалуй, без меня.

Элеонора нахмурилась, но поняв, видимо, что сейчас – точно не время и не место для дальнейших экспериментов, буркнула: «Жди вечером», – и унеслась телепортом по какой-то своей неотложно возникшей надобности.

– И чего она так всполошилась? – поинтересовался я у задумчиво разглядывающего место, где она только что была, Глушакова.

– Ну ты же сам слышал, резерв на полпроцента подняло, – ответил тот.

– Так это мизер, – удивился я.

– Вот не скажи… – протянул Сергей. – В этот мизер весь твой поместится, еще и место останется.

– Да ну? – опешил я, прикинув, какая ж это прорва магии в завкафедры проклятий таится, если мой резерв всего на полпроцента от ее тянет.

– Ну да, – подтвердил Глушаков. – А такой резкий скачок – это тем более из ряда вон. В обычных условиях у нее лет десять на такой прирост уйдет, а тут – всего один поцелуй.

И вдруг он неожиданно и совершенно неприлично заржал.

– Ты чего? – спросил я.

– Да так, – отсмеявшись, ответил трудовик. – Раньше было предположение, что девчонки твои через постель прогрессировать так стремительно стали, но подтвердить это никто не смог. Зато теперь совершенно точно установлено, что это получается через поцелуй. И я тут прикинул: а ведь у нас куча магов, и не только женского пола, которые ради увеличения резерва готовы почти на всё…

– А ну не смей! – рявкнул я, сразу уловив, куда тот клонит. Еще не хватало мне тут с мужиками в десны долбиться!

– Да я-то могила, – лыбясь во все свои тридцать два зуба, сказал Сергей. – Ты, главное, Элеонору убеди, чтобы она про это открытие никому не проболталась.

Иначе устанешь отбиваться. Впрочем, – после недолгой паузы продолжил он, – такими открытиями тут не делятся – средневековье, что с него взять. Если только сам не расскажешь.

– Я?! Да никогда в жизни! – твердо заверил я товарища.

Одобрительно хлопнув меня по плечу, Глушаков прошел к столику в центре чердака, за которым я обычно завтракал, и, присев на стул, жестом фокусника вынул из рукава запотевший пузырь водки.

– Ну что, – хитро посмотрел он на меня, – давай за возвращение? Да и кольцо твое обмыть не мешает.

– Давай, – плюхнулся я рядом, принимая от Сергея граненый стакан.

Где-то через час

– А где ведро-то? – поинтересовался Глушаков, смачно зажевав бутерброд со шпротиной, долькой соленого огурца и чесночком.

На столе у нас было все как надо: ржаной хлебушек, сало, нарезочка мясная, пара неведомо откуда выуженных салатов и вот эти самые шпроты. Где Сергей достал эту банку, да еще и рижских, мне было неведомо, но, увидев ее, я просто захлебнулся слюнями, и мы быстренько наделали бутербродов, успешно их теперь поглощая.

– Да забрали как вещдок, фиг знает, когда отдадут теперь.

– Нехорошо, – резюмировал трудовик и, вытерев пальцы о рабочий халат, который я уже и не помню, как на нем оказался, добавил: – Кстати, я тут тебе подгон один сделать хочу.

– Что, джедайскую мегасаблю, плюс три к силе и пять к выносливости? – по ассоциации со словом «подгон» скаламбурил я, но Глушаков только помотал головой, похоже, даже не поняв, о чем речь.

– Нет. Я тут твою задумку доделал. Знаю, что ты сам хотел, но все эти события… В общем, я все сделал и как выпускную работу первого курса тебе зачел. Принцип действия тебе объясню, но честно, Паш, скажу: это пока не твой уровень. Так что, считай, авансом он тебе пошел.

– Ты это о чем? – несколько невнятно спросил я, активно работая челюстями.

И тут Сергей вытащил из-под полы халата самый настоящий автомат Калашникова.

– Погоди-ка… – сказал я, принимая его и с удивлением узнавая свое собственное изделие, про которое уже успел прочно забыть. – Что ты, говоришь, из него сделал?

– Ну как что? Артефакт с возможностью стрельбы очередями и автоматически. С заклинанием огненного шара, только заточенным не на площадь поражения, а на пробивную способность, – обыденно сообщил Сергей в промежутке между активным поглощением бутербродов.

– Охренеть, – ответил я и, взявшись поудобнее, вознамерился было нажать на спуск, но Глушаков одним движением выдернул автомат-артефакт у меня из рук.

– Во-первых, – наставительно начал он, – сейчас оружие не заряжено, а во-вторых, направлять его надо не на меня. Хотя бы в окно вон стреляй.

– Ох, блин, извини, – повинился я. Во мне шумело уже прилично алкоголя, и я сгорал от нетерпения попробовать оружие в деле.

Накопитель Сергей разместил в прикладе, и на полном заряде можно было сделать выстрелов сто. Моего суточного резерва, как оказалось, хватало примерно на три полных магазина, и вскоре я с удовольствием гладил потеплевший от влитой сырой силы артефакт.

– В общем-то, против серьезного мага – штука бесполезная, но щиты по второй уровень включительно пробьет. Ну и целиться надо тщательно, зона поражения немногим больше обычной пули, – инструктировал меня Глушаков, когда я, высунув язык, прилаживал приклад к плечу, целясь в голубое небо прямо за

слуховым окном. – Пробивная способность быстро уменьшается с расстоянием, так что стреляет метров на триста максимум, но этого за глаза. Готов?

– Готов! – радостно оскалился я.

– Тогда… огонь!

Я резко выжал спуск, жадно наблюдая, как со ствола срываются оранжевые шарики огня диаметром сантиметра три и бодро уносятся вдаль. Без какой-либо отдачи и почти беззвучно. Почувствовал, как по телу бегут, будоража меня, мурашки. Оружие в моих руках было самое настоящее, крутое, практически плазмоган. Я даже на секунду пожалел, что слепил самый простой «калаш», а не нечто футуристическое в стиле БФГ.

Вот только, как назло, в этот момент над нашей крышей что-то прошелестело, и нечто большое и прямоугольное, выскочив словно из ниоткуда, буквально влетело в рой выпущенных мной огненных снарядов. Защитный кокон вспыхнул, но, перегруженный множеством попаданий, почти сразу погас, и я понял, что это не что иное, как летающий ковер-самолет.

Задымив, пробитый сразу в десятке мест, он потерял скорость, медленно накренился и косо, со все возрастающим воем свистящего в прорехах воздуха пошел к земле. Но не это было самым ужасным. Конкретно мне поплохело от того, что на ковре, в панике цепляясь за все подряд, висели представители делегации Кайратского султаната с тем самым черным усачом во главе.

Словно в замедленной съемке его голова повернулась ко мне. Мы встретились взглядами, замерев. Он смотрел на меня, а я, продолжая держать автомат у плеча, на него, машинально провожая стволом их стремящийся к земле транспорт. А в голове совершенно не было мыслей. Никаких, одна пустота.

Первым среагировал Глушаков, с матами начиная что-то колдовать на опережение входящего в неуправляемое пике ковра.

Они встретились у самой земли – ковер, несущийся практически отвесно, и заклинание Сергея. Рвануло. Я зажмурил глаза, чтобы не видеть раскиданных по окрестностям трупов делегации, но Глушаков устало вздохнул и произнес всего одно слово, которое вселило в меня некоторую надежду:

– Успели.

* * *

Спустя полчаса мы оба стояли перед архимагом.

Посмотрев на то, как решительно я прижимаю автомат к себе, он вздохнул и произнес:

– Хорошо, что обошлось без жертв. Но я вынужден буду доложить о случившемся вашему руководству… там. Речь идет о покушении на послов дружественного государства…

Переглянувшись с Глушаковым, я мысленно приготовился еще к трем месяцам отсидки.

Глава 3

– А я знал, что мы с ним намучаемся, – с какой-то обреченной уверенностью в голосе произнес глава городского управления инквизиции.

Грузный мужчина с грубым, покрытым глубокими морщинами лицом, которого я видел впервые, еще раз тяжело вздохнул, посмотрел на стоящего рядом Амниса…

– Может, ну его? В Приграничье уж точно поспокойней будет.

Но мой непосредственный начальник лишь поморщился и сказал терпеливо:

– В Приграничье поехать никогда не поздно. Предлагаю принимать решение взвешенно.

После чего они оба сурово взглянули на меня. Я поежился, но автомат прижимать к себе не перестал.

– Не отдам, – заявил уже в который раз.

– Это вещдок! – рявкнул, не выдержав, Амнис.

– Вы мне еще ведро не вернули.

– Оно тоже вещдок!

– Так дела пока нет.

– Будет! Как только посол доберется до столицы!

– Это усатый, что ли? – уточнил я.

– Усатый… – фыркнул начальник управления, а Амнис медленно выдохнул сквозь плотно сжатые губы и, стараясь говорить спокойно, произнес:

– Уважаемый Баклу-бей назначен послом Кайратского султаната и является приближенным лицом султана. Немаленькой, к вашему сведению, страны. С очень немаленьким войском и с сильным союзником в лице гномов. И он совершенно уверен, что на него было совершено покушение. Он сам видел, как вы из этой штуки, – палец инквизитора ткнул в автомат, – сбили его ковер.

– Это была случайность, – только и смог ответить я.

– Таких случайностей не бывает, – хмуро бросил глава.

– У меня – бывают, – потупив глазки, признался я.

– У него – бывают, – подтвердил Амнис. – С ним такие случайности постоянно происходят. Случайно повстречался с демоном, случайно повздорил с эльфами, случайно стал причиной побоища в городе. Это одна сплошная ходячая случайность.

– Может, его прокляли?

– Он сам адепт проклятий, увидел бы. Нет, – убежденно ответил мой наставник, – тут дело в другом. Налицо нехватка мозгов и полное отсутствие просчета последствий собственных поступков хотя бы на шаг вперед.

– Как его только инквизитором выбрало?.. – вздохнул начальник управления.

– Как-то выбрало, – мрачно подытожил Амнис.

– Ладно, – решительно произнес глава. – Ты его наставник – ты его и воспитывай, а я умываю руки. Делай что хочешь, но чтобы я про него больше не слышал.

Фигура начальника замерцала и пропала в легкой вспышке, и мы остались на чердаке вдвоем.

Прошелестев одеяниями, замначальника инквизиции отошел от слухового окна, у которого стоял, приблизился к столу и сел напротив меня. После чего сказал устало:

– Дня не прошло, Павел Алексеевич, как ты опять влип в историю. Это вообще что? – кивнул он на «калаш» в моих руках.

– Подарок, – со вздохом ответил я.

– От кого?

– От друга.

– Понятно, – вторя мне, вздохнул Амнис. Спросил: – Принцип действия?

– Стреляет очередью миниатюрных огненных шаров. Боезапас накопителя – сто выстрелов.

– М-да… Я даже догадываюсь, кто автор. Ведро тоже его рук дело?

– Его, – утвердительно кивнул я. Запираться смысла не было – что на ведре, что на автомате стояло одно и то же клеймо: перекрещенные серп и молот.

– А как он его сделал, не говорил?

– Не-а, – помотал я головой, – он не помнит.

– Ну что ж, я не удивлен. Ладно, – Амнис встал, – попробую с послом дело замять, скажем, что это было испытание нового индивидуального средства противовоздушной защиты. Но с одним условием.

– Каким? – напрягся я.

– Твой друг должен предоставить три экземпляра подобных артефактов в распоряжение инквизиции для изучения и проведения испытаний.

– Я спрошу.

– Павел Алексеевич, – укоризненно покачал головой мой наставник, – неправильный ответ.

– М-м, я постараюсь? – изменил я формулировку, вопросительно глядя на Амниса, но тот снова отрицательно качнул головой. – М-м, будет исполнено?

– А вот это уже лучше. Начинаете потихоньку понимать, как устроены взаимоотношения в нашей организации. В общем, через неделю жду.

И не откладывая в долгий ящик, замначальника управления также телепортировался с чердака, оставляя меня в гордом одиночестве.

* * *

М-да, дела-делишечки. Я в который раз поежился, представив, что случилось бы, если б Глушаков вовремя не подсуетился с заклинанием. Вот везет же как утопленнику, честное слово. Впредь эксперименты подобного рода надо будет проводить исключительно на полигоне и никак иначе.

Солнце уже клонилось к закату, когда я спустился с чердака в поисках товарища. Инквизиция была организацией не особо терпеливой, с жесткой дисциплиной и весьма суровым нравом по отношению и к собственным сотрудникам тоже, так что откладывать поручение в долгий ящик не стоило.

Автомат я повесил по диагонали за спину, перекинув ремень через голову, и чуть подвигал, выбирая наиболее удобное положение. Ствол «калаша» смотрел вниз, а приклад чуть высовывался из-за плеча. Оставалось только сделать что-нибудь с мантией, которую я уже начинал тихо ненавидеть. Ну неужели не придумали чего поудобней?

В кандейке кабинета труда Глушакова не оказалось, и я решил пройтись по территории академии, лелея некоторую надежду, что Сергей окажется где-нибудь тут. Вероятнее всего, конечно, он уже был дома с женой, которая магистр белой магии, но чем черт не шутит.

Начать я решил с места, где мы обычно совершали пробежки и тренировки вдоль периметра академии.

Всю немаленькую территорию учебного заведения опоясывала высокая стена, а параллельно ей, отступив на десяток метров, шла полоса из деревьев и кустарника, хорошо эту самую стену камуфлируя и создавая впечатление, что все здания академии находятся на гигантской поляне, окруженной лесом. Помимо этого, зеленая полоса была еще одним поясом обороны на случай вторжения или проникновения. Теперь, благодаря кольцу инквизитора, я это чувствовал – в растительность были искусно внедрены защитные заклинания друидов.

Вот эти десять метров пустого пространства протяженностью в добрых пять километров и были самым удобным местом для пробежек и прочей ОФП.

Звуки города за стену магическим образом не проникали, и я с удовольствием шагал вдоль «зеленки», потихоньку погружаясь в тишину, нарушаемую легким скрипом древесных стволов да шорохом веток.

Вокруг по-прежнему было пусто, но я шел против обычного направления движения, так что с Глушаковым, если он бегает где-то здесь, должен был

столкнуться. Между тем размеренная ходьба не требовала контроля со стороны мозга, и я быстро погрузился в глубокие думы о судьбе своей тяжкой.

Недомаг, недоинквизитор – я не обольщался на свой счет. Ни знаний толком, ни умений, ни присущей всем виденным мною инквизиторам какой-то внутренней уверенности и убежденности в своей правоте.

Нет, год в этом мире меня закалил изрядно, иначе и не скажешь. Килограмм эдак двадцать лишнего веса просто испарилось, майка, раньше плотно обтягивающая телеса, теперь висела мешком, а резинку трусов я подтягивал и завязывал узлом уже раз десять, чтобы они не сваливались с меня. Мне по силам было пробежать без остановки полный круг вокруг академии, отжаться раз сто и пятнадцать – подтянуться. Но сомнения, сомнения в самом себе – вот что я так и не смог побороть за этот год. А хуже всего, что из-за меня погибли люди, очень много людей, и это давило тяжким грузом, заставляя снова и снова пытаться понять, где же я ошибся.

Из подобных невеселых мыслей меня выдернул странный звук, что раздался от стены совсем неподалеку. Резкий, царапающий, под аккомпанемент легкого треска сдавливаемых чем-то камней.

Остановившись, я нахмурился и, скинув ремень, поудобнее перехватил автомат, отходя и прячась за ближайшим деревом. Каменная поверхность стены же вдруг вспучилась, а затем с треском разошлась в стороны, пропуская двух пыхтящих подростков, что, держа обеими руками, перли, по-другому и не скажешь, обитый металлическими полосами громоздкий сундук.

– Тихо ты! – прикрикнул идущий первым на своего напарника, который как раз громко ойкнул, оступившись и врезавшись плечом в край разверзшегося каменного зева.

– Да ладно, – ответил второй, морщась от боли, – кто тут услышит? Каникулы же, все поразъехались.

В этот миг я увидел, что оба одеты в мантии стихийников с нашивками магов земли. Что, в принципе, сюрпризом не стало, учитывая, как они прошли сквозь стену, раздвигая камень перед собой.

Зев за их спинами с треском и скрежетом сомкнулся, и стена снова стала девственно ровной, словно и не было в ней только что дыры метровой ширины.

– Каникулы или не каникулы, – прошипел первый, – а за такое и из академии выпереть могут. Молчи давай и тащи.

– Да тащу я, тащу, – не сдержался его красный от натуги напарник, – руки уже отваливаются. Давай поставим, передохнем.

– А и правда, – произнес я, выходя из-за дерева и чуть опустив направленный на них ствол, – поставьте-ка, передохните, заодно и поговорим. Инквизиция, дергаться не советую, – предупредил я обоих на всякий случай.

– Вот же попали, – тихо высказался первый и медленно опустил свой край сундука на траву. На лице его читалась такая смесь разочарования, обреченности и обиды на столь не вовремя появившегося меня, что захотелось расхохотаться.

– Имя, курс! – потребовал я грозно.

– Чутан Хмара, второй курс, – угрюмо ответил парнишка, а его товарищ вдруг упал на колени и запричитал:

– Пожалуйста, только не сообщайте архимагу, прошу! Если меня выгонят, моя мама не переживет! Умоляю!

– Да не унижайся ты, – упрямо сцепив зубы, прошипел Хмара и зло взглянул на меня.

– Посмотрим, – лаконично сообщил я. – Все будет зависеть от того, что вы несете и с какими целями проникли на территорию академии. Что там? – дулом автомата ткнул я в сторону сундука. И, подпустив в голос угрозы, добавил: – Наркотики?!

Дурацкий, конечно, вопрос, но в тот момент ничего получше мне в голову не пришло.

– Ка-ка-ка-какие наркотики?! – так и не представившийся коленопреклонный паренек даже заикаться начал.

– Следящий артефакт там, – вздохнув, ответил первый. – Семейный.

– Твой? – уточнил я.

– Мой, – еще сильнее вздохнув, подтвердил Хмара.

– И зачем?

– Надо.

Хмыкнув такому упорству, я по-отечески взглянул на второго, который в этой паре явно был самым слабым звеном, и почти ласково спросил:

– Ну что, к архимагу?

– Не надо, я все скажу!

– Так как твое имя? – вновь поинтересовался я, и паренек затараторил, видимо, боясь, что я передумаю:

– Зауб Рифу, второй курс. Святой отец, мы просто хотели проследить за завхозом академии. Он очень странный: появляется из ниоткуда, в никуда исчезает, причем это не телепортация, а что-то неизвестное. Мы пытались за ним проследить сами, но это бесполезно. И он очень таинственный, его все боятся, даже преподаватели. Нам кажется, что он не тот, за кого себя выдает, что он… он… он злой колдун!

– Трепло, – с презрением в голосе бросил Чутан, а Зауб, покосившись на него, пробормотал в ответ:

– Тебе хорошо говорить, у тебя положение, деньги и родители-маги. А я – первый маг в семье.

«Значит, не только я засек Иквуса за перемещением во вложенное пространство, – между тем думал я. – Ну и как мне этих пареньков от него отвадить?»

Тут вдруг кольцо на пальце меня ощутимо кольнуло, словно ему не понравилось что-то. Я потер иероглиф пальцем другой руки и снова почувствовал недовольное покалывание. Не знаю почему, но я каким-то неизвестным образом понимал, что оно именно недовольное. А затем с легким шоком и удивлением осознал, что кольцу просто не нравятся мои мысли.

«Такой артефакт в руках студентов – это тоже неправильно», – мысленно произнес я и ощутил, что покалывание стало слабей. Чуть расслабился. А затем, посмотрев на парней, объявил:

– Значит так. Артефакт я забираю. Временно! – остановил я готового взорваться возмущением Хмару. – По поводу завхоза – я вас услышал, но дальнейшую слежку вам запрещаю, этим вопросом займется инквизиция.

– Блин… Отец меня убьет, – помотав головой, протянул паренек, а я, морщась от вновь заколовшего словно током кольца, мысленно пообещал: «Займусь, правда займусь».

Ну и напоследок добавил:

– Архимагу и в администрацию академии я, так и быть, сообщать не буду.

– Спасибо, святой отец! – мигом просиял Рифу.

– Пожалуйста. А теперь взяли сундук и потащили.

– Куда?

Чуть приподняв бровь, я посмотрел на задавшего этот вопрос Чутана и сказал с легкой иронией:

– Ко мне, естественно. А вы что, думали, я сам к себе эту тяжесть попру?

* * *

Отправив парней восвояси, я засел перед артефактом слежения и в который раз хмыкнул, удивляясь, до чего дошла магическая наука. Кое-как раскрутив неохотно выдающего семейные секреты Хмару на инструкцию по эксплуатации, я активировал легким касанием большой плоский кристалл в вершине устройства и полюбовался на всплывшее над ним объемное трехмерное изображение академии. Картинку можно было вращать, отдалять, приближать. Максимальный радиус составлял километра три, захватывая помимо академии еще и часть города. Причем если приблизить сильно, можно было даже видеть людей, что светились в тепловом диапазоне. Артефакт показывал их в реальном времени.

Я достал из сундука еще один кристалл, навел навершием на себя и произнес:

– Ширяев Павел, фиксация.

Посмотрев на укрупненное изображение мужского общежития, с чувством легкого удовлетворения увидел, как над ярким огоньком на чердаке появилась надпись: «Ширяев Павел».

Все, теперь, куда бы я ни пошел, стоит назвать мое имя артефакту, и он тут же найдет меня, если я в зоне его действия.

Возможности широчайшие. Правда, я еще не придумал, зачем они мне, ну да, авось, в будущем пригодятся, хоть бы и за теми же султанскими подданными следить. А куда ходит завхоз – я знал и так.

Погасив артефакт и закрыв крышку сундука, я еще раз потер так и не переставшее колоться кольцо и, со вздохом достав «Наставления инквизитору», плюхнулся с ними на кровать, читать. Надо же в конце-то концов понять, что это такое и как с этим жить дальше.

А уже через полчаса чтения я отложил книжку и смачно выругался. Оказывается, символ инквизитора является не только защитным артефактом и источником инквизиторской магии, но еще и своего рода детектором правильности совершаемых поступков и действий. Фраза корявая, но суть была именно такой. За откровенно преступное деяние инквизитор мог неслабо так

отхватить от собственного кольца. Вплоть до самой натуральной смерти. Поэтому среди инквизиторов преступников не водилось.

За ошибки и заблуждения наказания, конечно, не имелось, все могут ошибаться, но вот бездействия кольцо не прощало. Похоже, та тайная деятельность завхоза, о которой я знал, кольцом воспринималась как незаконная, и оно подгоняло меня к активным действиям. И судя по прочитанному, чем дольше я с этим буду тянуть, тем сильнее оно станет долбить меня током. Перспективочка не очень, я вам скажу.

В общем, просто так пройти мимо совершаемого преступления и правонарушения я теперь физически не могу – кольцо не даст. А значит, отсидеться не получится.

Тут меня кольнуло особенно сильно, и я, подскочив как ужаленный, завопил:

– Да иду я уже, иду!

После чего, несмотря на опустившуюся на город ночь, побрел к тайному проходу в лабораторию Иквуса, пробормотав на ходу:

– Покоя мне теперь точно не будет. Тут же каждый второй в чем-нибудь да замешан.

Кто-то, где-то, с кем-то

– У инквизиторов новое оружие.

– Очередное?

– Ирония тут неуместна.

– Все так серьезно?

– Более чем.

– От кого информация?

– От агента «Двацатый». Не морщись, я же не виноват, что он безграмотный, сам так псевдоним записал. Теперь уже не исправишь.

– И что он видел?

– Не только видел. Прочувствовал на себе. Артефакт, стреляющий небольшими огненными шарами.

– Насколько небольшими?

– Не больше кулака.

– Ну и? Такие даже щит первого класса удержит.

– У них на ковролете третьего класса стоял. Двацатый говорит, что пробило почти сразу.

– Это как?

– А вот так. За несколько секунд около двух десятков попаданий. Щит просто лопнул. Выжили по чистой случайности.

– Это точно был один артефакт?

– Точно.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Более чем.

– Ладно, ступай. Я доложу куда надо.

Глава 4

В лабораторию Иквуса я попал легко, проход был все там же. Спустился по ступенькам вниз, прошел булькающее, капающее и бегущее по стеклянным трубочкам хозяйство и без стука вошел в кабинет.

Остановившись сразу за порогом, я оглядел задумчиво сидящего в кресле завхоза и, тихо вздохнув, сказал:

– Ну, здравствуй, Сева.

– Здравствуй… – негромко ответил тот.

Он был одет в неизменный свой черный и безупречно сидящий на нем камзол, что вызывало во мне постоянную зависть. Спокойный и хладнокровный – даже мое появление не смогло поколебать его уверенности в себе. Хотел бы я быть таким.

Неторопливо поднявшись, Иквус пробежался взором по моим одеяниям инквизитора и чуть замер на кольце. Взглянув затем мне в глаза, сообщил:

– Когда я узнал, кем ты стал, то сразу понял, что ты здесь появишься.

Я пожал плечами, чуть вымученно улыбнувшись.

– Я просто не мог по-другому.

– Знаю, – ответил он. Полувопросительно-полуутвердительно произнес: – Кольцо, да?

– Да, – кивнул я.

– Что ж, когда-нибудь это должно было закончиться.

Я немного напрягся после таких его слов, но завхоз, выйдя из-за стола, просто обошел меня, выходя в лабораторию. Потянувшись за ним, я увидел, как он,

пройдя к дальнему столу, тушит реторты под колбами. Затем буквально один пасс рукой – и вся посуда вместе с содержимым взмывает в воздух и с хрустом спрессовывается в единый пульсирующий шар. Еще миг, и шар проваливается в открывшуюся воронку портала, исчезая без следа, оставляя девственно чистый стол.

На мой немой вопрос Иквус кривовато ухмыльнулся и заявил:

– От некоторых вещей надо избавляться решительно и без сожалений, чтобы жить дальше, а не мучиться угрызениями совести.

Тут, вспомнив о ломке, которая ждет всех подсевших на завхозовский эликсир, я всполошился:

– Погоди, а что же будет со всеми-то? Ты ведь сам говорил, резко отменять прием нельзя!

– Нельзя, – ответил тот. – Но это – уже твоя проблема.

– Блин, да как так-то! – возопил я, не ожидавший такой подлости от почти товарища, каковым я с некоторых пор считал завхоза.

– Думаешь, я сделал это назло тебе? – повернулся ко мне Иквус. – Нет. Не сделай я этого, и тебе пришлось бы делать самому.

И я вдруг понял, что он прав. Вряд ли кольцо позволило бы оставить производство наркотика как есть, тем более что я и сам в глубине души считал это неправильным.

Вот только считать – дело одно, но вот так, одним махом лишить подсевших на него очередной дозы…

– Что делать, что делать-то? – схватился я за голову.

– Во-первых, – начал Иквус бесстрастно, – минимизировать последствия отмены, а для этого надо всех изолировать. Во-вторых, если их держать под постоянным антимагическим полем, то двух недель должно хватить, чтобы организм

справился с последствиями, а их магия при этом не пошла вразнос. Как раз до начала учебного года.

– Это точно поможет?

– Ну… – пожал плечами завхоз, – теоретически – да, если я правильно понял специфику воздействия эликсира на местных.

– А ты сам не пробовал это сделать?

– Как? Придя к инквизиторам? Только с вашими кольцами поле можно поставить. Нет, спасибо, сидеть в застенках я не намерен.

Это уже вселяло какую-никакую надежду, и, собравшись, я наконец перестал дергать себя в отчаянии за волосы, оставляя в покое остатки шевелюры. Вспомнив наконец, что я лицо, облеченное властью, откашлялся и потребовал:

– Список всех клиентов мне.

– Держи, – тут же жестом фокусника достал Иквус листок с перечнем десятка на три фамилий. Словно знал…

Я медленно забрал листок из его рук, посмотрел испытующе на все так же остающегося невозмутимым завхоза.

– Слушай, а сам-то ты как?

– Что «как»?

– Ну-у… – протянул я, не зная как сформулировать вопрос. – Ты же вроде как влияние на архимага и прочих именно из-за эликсира имел. Сейчас, без него, они не попытаются тебя… ну… отыграться, в общем?

– Могут попробовать. Но ты и правда считаешь, что я такую возможность не предвидел? – приподнял бровь собеседник. – Империя – не единственное государство на континенте, и школы магии другие тоже есть, да и континент не один, – он с кривоватой ухмылкой оглядел вновь мой инквизиторский наряд. –

Только… будем считать, что я тебе ничего не говорил. А для всех остальных я просто бесследно исчезну.

– Ты хочешь уйти? – не веря своим ушам, переспросил я.

– Придется, – Иквус бросил на меня острый взгляд. – Вот если бы кое-кто не вляпался с инквизиторским кольцом…

– Но это в любом случае не могло продолжаться вечно! – возразил я, слегка уязвленный и смущенный.

– Не могло, но у меня бы было больше времени на подготовку, – ответил завхоз.

Он еще раз оглянулся на лабораторию, провел зачем-то ладонью по пустому столу и, обратив на меня ставшие на миг печальными глаза, произнес:

– Опять все сначала. Опять…

– Извини, – тихо сказал я, мучимый угрызениями совести.

– Да нет тут твоей вины. Если бы не моя неуемная страсть к зельям… Но на новом месте я буду более осторожен. И да, Сева Иквус действительно исчезнет без следа. Это имя уже слишком известно в определенных кругах.

– И как тебя будут звать теперь? – поинтересовался я, сообразив, что он имеет в виду.

Однако Иквус покачал головой.

– Прости, но инквизитору этого я сообщить не могу.

– А что будет с лабораторией? – ничуть не обидевшись, продолжил я расспросы.

– Ее я оставляю тебе, – Сева чуть улыбнулся, – все равно только ты имеешь сюда доступ.

– Но ты же обещал научить меня делать подобные вложенные пространства! – вспомнил я нашу договоренность.

– Придется тебе пока довольствоваться этим, – Иквус обвел рукой помещение. – А там… жизнь длинная, может быть, когда-нибудь…

Буквально пару минут спустя, собрав не слишком объемную сумку, он исчез в портале в неизвестном направлении, а я, потерянно побродив по опустевшей лаборатории, вернулся к себе.

Остаток ночи я просто провалялся, раздираемый сомнениями и тревогами, от чего совершенно не выспался.

* * *

Архимаг был у себя. Вот только, заходя к нему, я все еще не знал, с чего начать и как сообщить о произошедшем этой ночью. Как-никак, именно Кхан был самым первым и постоянным клиентом завхоза.

Поэтому, чуть помявшись у порога, я просто молча положил листок с фамилиями ему на стол.

– И что это? – приподнял сначала список, а затем и глаза на меня Кхан.

– Это список магов, приобретавших у завхоза академии эликсир с ярко выраженным наркотическим эффектом.

Однако архимаг только улыбнулся ласково, поправив очки, да произнес:

– Ну какой эликсир, какой наркотический эффект? Да, по нашей просьбе уважаемый Иквус делает кое-какие магические настойки, но я вас уверяю, ничего страшного в них нет. Рутинные зелья, с которыми может справиться даже такой далекий от алхимии человек, как наш завхоз. И лишь для того, чтобы не отвлекать магистров, да и меня самого тоже, от действительно важных работ.

– Нет, вы не поняли, – стараясь не смотреть на ректора, глухо произнес я. – Я был в его лаборатории. Все оборудование, включая его содержимое, Иквус лично уничтожил прямо при мне.

– Вы нашли туда вход?! – вскинулся было архимаг, но затем до него дошел весь смысл сказанного, и он смертельно побледнел.

– Вы!.. вы!!. вы!!! – он пытался что-то сказать, наливаясь краснотой, словно стремительно спеющий помидор, мигом растеряв всю свою обманчивую мягкость.

Вдруг от него повеяло чем-то жутким и потусторонним, да так, что, когда он начал приподниматься в кресле, я порядком струхнул и мгновенно врубил антимагическое поле. Ей-богу, казалось, еще секунда – и он обрушит на меня что-нибудь смертоубийственное.

Кхан застыл, почти вечность, по моим ощущениям, продолжая буравить меня взглядом, но затем опустился обратно в кресло и буркнул:

– Ну все, хватит, убирай. Не буду я тебя трогать.

И я убрал, но не потому, что на все сто процентов поверил продолжающему источать жажду убийства архимагу, а потому, что мне почему-то показалось, что ректору академии есть чем ответить даже под антимагическим полем. Вот не верю, что такой могущественный маг и не нашел для себя лазейки на самый крайний случай. Одно только меня успокаивало: сложившаяся ситуация на крайний случай никак не тянула. Да, неприятно, да, досадно, но и… ладно?

Так что я внимательно следил за Кханом, готовый в любую секунду врубить теневой покров, но, похоже, тот действительно успел взять себя в руки и относительно успокоиться.

– Я-то все ломал голову, думая, почему домовой не может принести новую партию, – устало пробормотал архимаг, – а оно вон чего.

– Вчера должна была быть? – догадался я.

– Да. Ночью. Но ее не было, – ректор снова посмотрел на меня, – и я уже начинаю чувствовать нехорошие симптомы…

– Сильные? – встревожился я.

– Пока нет, но через полдня ломка станет нестерпимой настолько, что я не смогу контролировать собственную магию. Просто не буду на то способен. И не только я, а все, – он ткнул узловатым пальцем в список, – кто здесь указан.

– Иквус предложил один вариант, – негромко сообщил я, глядя на глубоко задумавшегося ректора.

– Какой? – очки Кхана блеснули.

– Он считает, что если вас всех две недели продержать под постоянным антимагическим полем, этого должно быть достаточно, чтобы преодолеть симптомы отмены эликсира, не дав вашей магии пойти вразнос.

– Весьма спорно, – буркнул совершенно не обрадованный подобной перспективой ректор, – но, по крайней мере, это убережет от спонтанных магических прорывов. Где и как ты планируешь это сделать?

Я пожал плечами и ответил без особой уверенности:

– В здании инквизиции, наверное. Там проще будет организовать круглосуточную смену инквизиторов для поддержания поля.

– Что ж, вариантов не особо много, – вздохнул Кхан. – Ладно, пусть будет так. Я начну вызывать всех сюда, пока не стало совсем поздно.

И он действительно начал связываться с магистрами, указанными в списке. Благо никто из них этой ночью положенной дозы не получил, так что и без всякого вызова был уже готов лететь в академию.

В кабинете мгновенно стало тесно, поэтому вскоре пришлось выйти в пустующий холл. Вот только я мрачнел все больше и больше, потому как взгляды прибывающих магов после того, как их ставили в известность о произошедшем,

становились очень уж красноречивы, когда обращались на меня. Я бы даже сказал, убийственно красноречивы. Спасала только инквизиторская роба.

– Я уже боюсь простейшие заклинания создавать. Пальцы дрожат, – краем уха зацепил я разговор парочки магистров со стихийного факультета.

– Да я и сам еле устойчивый портал создал. Магнус сохранил, добрался сюда без происшествий…

– Опять инквизиция, – это шипение раздалось уже с другой стороны, – опять она. Твари, сатрапы, душители свободы…

– Тихо ты! – шикнул кто-то.

– Да пусть говорит, – не выдержал я, обернувшись в ту сторону. – Только помедленнее, я записываю.

Шипение тут же умолкло, а меня ожгло несколько ненавидящих взглядов, и я опять проклял себя за несдержанность.

Наконец из кабинета вышел Кхан и, оглядев три десятка недовольно нахохлившихся магов, произнес:

– Все в сборе, хорошо. А теперь о неприятном. Поставок эликсира больше не будет, – тут он ненароком мазнул взглядом по мне, – благодаря нашей инквизиции.

Теперь меня вновь и дружно испепелили взглядами уже все окружающие, да так, что аж зачесалось по всему телу, и я, от греха подальше, врубил глушилку. Тем более что кое у кого симптомы наркотической ломки уже начали проявляться.

Слегка поморщившись, но ничего на это не сказав, архимаг продолжил:

– Поэтому сейчас главное – не дать нашей магии вырваться из-под контроля. Лично я сомневаюсь, что после такого вообще смогу выжить.

В толпе магов раздался легкий шум, но ректор поднял руку, заставив всех притихнуть:

– Вариант есть.

– Какой? – выкрикнул кто-то.

– Провести две недели под антимагическим полем.

Тишина после этих слов наступила поистине гробовая.

– А другой вариант? – откашлявшись, спросил еще один.

– Его нет, – жестко припечатал Кхан.

И вот тут зал взорвался. Не по-настоящему, конечно. Но подрыв пятой точки у магов случился знатный. Ор стоял незабываемый.

– Весь прогресс насмарку! – плакался кто-то.

– Столько золота угробил, половину курса зелий прошел, а через две недели все это куда? По новой?!

– Издевательство! Насилие над магами!

И это только то, что я смог вычленить из общего шума.

Наконец Кхану удалось вернуть какое-то подобие тишины и порядка.

– Увы, других вариантов, коллеги, просто нет. Придется смириться с потерями и искать, как компенсировать их в дальнейшем.

Он огладил седую бороду, оглядел пытающихся осознать новую для них реальность магов и после недолгой паузы добавил:

– Находящийся здесь инквизитор Ширяев под антимагическим полем сопроводит нас до городской резиденции инквизиции, где мы и проведем оставшиеся две недели.

– А мои исследования?! – выкрикнул один из магистров белой магии. – Они на контроле императора, мы ищем противозаклятье магической чумы. Помните, какой ущерб она нанесла южным регионам?!

– Придется им подождать, – развел руками Кхан. – Скажите спасибо ему, – и он снова показал на меня.

«Вот же гадский старик, – подумал я, – все время меня крайним выставляет».

– Инквизиторские застенки, ну конечно! Что еще они могли придумать! – опять прорезался все тот же недовольный субъект. – А выйдем ли мы оттуда?!

Но тут, сообразив, что гражданин перебарщивает с патетикой, рот ему заткнули уже свои, и более он не отсвечивал.

– Пойдемте уже, что ли, – со вздохом произнес я.

– Можно было бы и порталом, чем ноги бить, – сказал кто-то.

Но Кхан тут же возразил:

– Не стоит, коллеги. Если хоть у одного случится сбой, пострадаем все. Уж лучше пешком и без магии. Целее будем.

Вот так, нестройной, хмурой и недовольной толпой мы и вышли из ворот академии.

Зрелище было то еще. Впереди шел задумчиво вцепившийся в бороду архимаг, за ним гурьбой двигались три десятка магистров, то и дело с непривычки спотыкающихся на брусчатке, и позади – я, вытянувший вверх руку с кольцом, чтобы охватить глушилкой как можно большую площадь.

А народ меж тем расступался, вжимаясь в стены, освобождая улицу перед нами, и замирал, разинув рот. Еще бы, знаки на мантиях читать умели многие, и такая небывалая процессия даже привычных ко всему горожан повергала в шок.

– Арестовали… – услышал я дрожащий шепоток откуда-то сзади.

– Всех, даже архимага…

– Инквизиция…

– Ой, что ж будет…

Шепот не смолкал, а предположения, за что загребли магов, так и сыпались отовсюду, по мере нашего приближения к инквизиции становясь все более дикими.

– Золото крали, точно говорю! У анператора да на исследования свои, бесполезные…

– Какое золото? За измену же, знамо дело. Слыхал, тут прошлый год не протолкнуться было от нелюди, всю академью наводнили…

– Да какая измена? Дочку анператорскую снасильничали поди. Говорят, поступила тайно в академью год назад.

– Что, все тридцать?!

– А ты думал! Это ж маги, сам знаешь, им только оргий подавай…

– Ой злодеи…

– Ничего! Инквизиция их живо в бараний рог…

Молва бежала быстрее нас, и когда мы подошли к серому и мрачному кубу инквизиторской твердыни, на непривычно обезлюдевшей площади меня уже встречал непосредственный начальник.

– Ширяев, ты обалдел?! – налетел коршуном Амнис, обогнув по дуге замершую колонну. – Я тебе что говорил делать?! Следить, выявлять и пресекать! А не арестовывать всю верхушку академии и тащить через весь город, как каких-то каторжан!

– Да не арестованные они, – поморщился я от акустического удара сорвавшегося на крик инквизитора, – им просто надо пару недель посидеть у нас под антимагическим полем.

Замолчав, Амнис несколько секунд переваривал сказанное мной, после чего оглядел недовольные и уставшие лица магистров и спросил:

– А они в курсе?

Я кивнул.

– Да.

– И архимаг?

Я снова кивнул.

Замначальника потрогал собственный лоб, помассировал виски, поковырялся в ухе, затем посмотрел сначала на брусчатку под ногами, потом на небо, после чего констатировал:

– Тут одно из двух: или мне пора лечиться, или тебе.

– Да ни то и ни другое. Давайте объясню.

И я поведал ему события прошлой ночи и сегодняшнего утра.

Где-то в городе, в резиденции одного знатного рода

– Слышал, что инквизиция арестовала кучу магистров с архимагом в придачу?

– Слышал.

– Думаешь, узнали про нас?

– Не знаю. Если б узнали, арестовали бы только пятерых, а там тридцать. Но мера беспрецедентная. Так что очень может быть…

– Возможно, не знают, кто точно, поэтому и загребли всех, до кого дотянулись.

– Возможно… Как думаешь, сколько у нас времени?

– Немного. Разошли всем нашим, чтобы убирались из империи, старый пес нам подобного не простит.

– Если узнает…

– Не «если», а «когда». У нас сутки, не больше.

– Понял тебя.

Глава 5

– Но… но… но вы же инквизитор! Вы же принимали обет безбрачия?!

Я смотрел на девушку, растерянно прижимающую к губам ладонь после моего, такого неожиданного даже для меня самого поцелуя, и чувствовал, как изнутри волнами начинает накатывать легкая паника.

Какой еще обет безбрачия?!

* * *

Все началось с того, что буквально на следующий после памятного препровождения магистров в тюрьму инквизиции день на меня прямо во время прогулки по пустому парку академии разъяренной фурией накинулась неожиданно возникшая будто из ниоткуда Ниике-хатун.

Несмотря на ясно читаемые в выражении лица не самые добрые намерения, я все-таки залюбовался на секунду летящей походкой девушки, на всех парах несущейся ко мне. Причем «летящей» – отнюдь не красивый эпитет, поскольку каждый грациозный шаг приближал ее ко мне метров на пять сразу.

– Ты… ты напал на моего дядю! Хотел его убить! Как ты мог?! Там же были женщины!

Она налетела на меня, останавливаясь буквально вплотную, а следующая за ней волна спрессованного воздуха чуть было не сбила с ног, благо я успел чуть присесть на напружиненных ногах, рефлекторно наклонившись вперед. Отшагнул, но девушка грозно двинулась следом, подкрепляя свои слова все больше усиливающимся давлением ветра и заставляя меня отступать назад.

Шаг за шагом я пятился спиной, а она все так же шла на меня, худенькая, на целую голову ниже, взъерошенная словно рассерженный воробей, и даже не думала останавливаться.

Очередным порывом ветра газовую ткань сорвало с гневного лица, открыв румяные щеки и пухлые, сочные ярко-алые губы, которые словно магнитом притянули мой взгляд. В них-то я и чмокнул девушку, когда та в очередной раз вплотную ко мне приблизилась, чтобы выкрикнуть в лицо обвинения.

Сам не знаю, как так получилось. И корить себя за необдуманный поступок было уже поздно. Впрочем, эффект какой-никакой был. Ниике буквально потеряла дар речи, замерев соляным столбом и огромными глазами глядя на меня.

Тут я с опозданием подумал, что подобная фривольность с гражданкой сопредельного государства может выйти боком. Один международный скандальчик с ковром-самолетом уже был, теперь, похоже, назревает второй. И опять со мной. Ну что за невезение…

– К-как?! – прошептала она, и ветер окончательно стих.

Дрожащими пальцами девушка коснулась припухших губ, а я в который раз мысленно проклял свою исконно русскую привычку сначала делать, а потом думать. Судя по лицу то бледнеющей, то краснеющей девицы, мои действия приравнивались как минимум к попытке изнасилования.

Я судорожно улыбнулся, пытаясь найти подходящие слова, и после секундной паузы выдавил:

– Ну, ты девушка, я парень. Все естественно.

И вот тут-то она и выдала про этот самый обед. Тьфу, обет.

Звезда в шоке. Так, пожалуй, вспоминая позорящего славные ВДВ незабвенного Сережу Зверева, можно было охарактеризовать мое состояние. Только-только я решил, что в этом инквизиторстве больше плюсов, чем минусов, как на тебе. Такой минус прилетел, что никакая гора плюсов уже не перечеркнет.

– То есть мне вот вообще ни-ни? – глупо переспросил я Ниике.

А та только замотала головой, подтверждая страшную новость. И я почувствовал, как у меня всё упало. Вот всё. Абсолютно.

– А если… – попытался я выяснить, что грозит за нарушение.

– Тогда ваша сила исчезнет, кольцо рассыплется в прах, и вы более не будете инквизитором, а будете прокляты и всеми гонимы, – убежденно и с некоторым страхом в голосе произнесла Ниике.

Перспектива, однако, далеко не радужная, что ни говори.

«И ведь какой гад, – невольно вспомнил я Амниса, – ни слова ведь не сказал!»

– И поцелуи туда тоже входят? – кое-как переварив сказанное, уточнил я.

– Не знаю… – растерянно ответила девушка. – Нам не рассказывали так… подробно.

Она снова покраснела.

– Ну, раз мое кольцо еще при мне, – я взглянул на свою руку, – то, наверное, не входят.

Затем, прищурившись, снова посмотрел на Ниике.

Не знаю, что уж она подумала в тот момент, но с криком:

– Ай-й! – она тут же унеслась прочь, подхваченная чуть ли не ураганом. Может, решила, что я стану экспериментировать дальше?

Нет уж, дудки. Пока все точно не выясню, никаких больше поцелуев.

Заторопившись к выходу из академии, я, в который раз забывшись, попытался сорваться на бег, но проклятая сутана снова запуталась в ногах, и, неловко всплеснув руками, я мешком рухнул на брусчатку, пребольно ударившись о камень правой стороной лица. Аж до искры из глаз. Просто не смог подставить нормально руки, чтобы погасить удар. Хорошо еще, что успел довернуть лицо и не расквасил нос.

Осторожно встав, морщась от простреливающей боли, ощупал стремительно распухающие мягкие ткани и теперь уже медленно, матеря на чем свет стоит и академию, и инквизицию, вместе взятых, побрел в резиденцию на площади. Пришла пора наконец расставить все точки над «ё» и что-нибудь сделать с неудобными одеждами, пока я в них не убился окончательно.

* * *

– Обет безбрачия?! – почти не сдерживаясь, заорал я, ввалившись в кабинет наставника. – И вот об этом вы умолчали?! Ведь даже не заикнулись о том, что стоило бы мне трахнуть кого-нибудь – и все, я уже изгой без магии, без кольца, без статуса!

– Кого-нибудь? – приподнял бровь Амнис, ничуть не впечатленный экспрессией, с которой я вылил на него свое недовольство.

– Да какая разница, – махнул я рукой, – важен сам факт!

– Хм… Ну, допустим, – не стал больше уточнять замначальника. – Что по первому вопросу, то тут небольшая неточность. Как такового обета безбрачия у нас нет.

– Как нет? – севшим голосом переспросил я, сразу сдуваясь как воздушный шарик.

– А вот так. Я даже не буду указывать на то, что в основе любого обета в первую очередь лежит ясно и четко данное согласие на его принятие. Вот вы, Ширяев, давали ясное и четкое согласие на принятие обета безбрачия?

– Нет, – помотал я головой.

– Ну вот. Значит, с этим решили.

– Решили, – кивнул я, успокоенный.

– А теперь решим и со вторым вопросом.

– Каким?

– А с тем, как стоит входить в кабинет и разговаривать с непосредственным начальником! – громыхнул Амнис, и я, вспомнив, как нагло вломился в помещение, сразу стушевался. Вышло и в самом деле несколько чересчур.

– Напоминаю, Ширяев, в инквизиции только три вида дисциплинарного взыскания: предупреждение, выговор и строгий выговор. Дальше только лишение кольца внутренним кругом инквизиции. И предупреждение вы только что заработали. За следующее такое появление получите выговор. Тенденция ясна?

– Так точно, – пискнул я неожиданно тонким голосом, после чего прокашлялся и повторил уже нормально: – Так точно.

– Ну не такой уж я и страшный, – иронично прокомментировал Амнис, успокаиваясь, а затем поинтересовался: – А с чего вообще вы взяли про обет безбрачия?

– Да-да, мне тоже интересно.

Я вздрогнул и, резко обернувшись, обнаружил бесшумно возникшего в дверях главу городского управления, имя которого я, несмотря на мое достаточно долгое уже пребывание в рядах инквизиции, узнал буквально вчера. Гоул Диконтра – так его звали.

– Командор? – чуть приподняв бровь, Амнис вопросительно взглянул на начальника.

– Да доложили мне, – обходя меня и усаживаясь в одно из кресел, буркнул Диконтра, – что к моему заму с криками вломился один из наших. Знаешь, я уже ничему не удивляюсь. После вчерашнего с него станется и ко мне дверь с ноги открыть.

Под прищуренным взглядом матерого инквизитора я немедленно уткнулся взглядом в пол и постарался стать незаметнее.

– Как там, кстати, архимаг? – между тем спросил Амнис.

– Сидит, – лаконично бросил Гоул, – что ему еще остается. А вот посланцы от императора и из главного управления уже с утра мне плешь проели. И скоро, печенкой чую, нагрянут делегации от магических родов.

Я попытался еще сильней прикинуться мебелью, но развивать тему главный инквизитор города не стал, ограничившись еще одним тяжелым взглядом.

– Так что насчет безбрачия? – тут же вспомнил про меня наставник.

– Так это, рассказали мне, – признался я.

– Кто?

– Ниике.

– М-да, – забарабанил пальцами по резному подлокотнику Диконтра, – этак мы тут долго сидеть будем. Хм… Инквизитор Ширяев! – рявкнул он неожиданно, заставив меня подпрыгнуть. – Немедленно доложить о лице, сообщившем вам эти сведения, и обстоятельствах, приведших к этому разговору!

– Есть! – вытянулся я в струнку. – Разговор проходил с Ниике-хатун, студенткой из Кайратского султаната. Она налетела на меня с обвинениями в покушении на ее дядю и других пассажиров ковра-самолета. После поцелуя она и рассказала про обет безбрачия у инквизиторов.

– После какого поцелуя? – медленно произнес Амнис, с чьего лица стала стремительно пропадать легкая полуулыбка, уступая место озабоченности.

– После нашего, – тут же ответил я, зажмурившись.

– И кто кого? – поинтересовался уже Гоул.

– Никто, командор, – приоткрыл я один глаз, – до этого не дошло.

– Ширяев, ты меня в монастырь сведешь своими ответами, – вздохнул начальник. – Я спрашиваю, кто кого поцеловал, ты ее или она тебя?

– Я ее.

– Хм… – задумался Диконтра. – Значит, попытка вербовки отпадает.

– Не факт, – отмер мой наставник. – Она вполне могла воздействовать на Павла, чтобы тот первым проявил инициативу.

– Если только через алхимические составы – от прямого магического воздействия он надежно защищен… – протянул Диконтра.

– К-какой еще вербовки? – севшим голосом спросил я.

– Самой обыкновенной, – отстраненно ответил Амнис, о чем-то крепко задумавшись.

– Не то чтобы это доказанный факт, – дополнил слова своего зама Гоул, – но вероятность подобного есть. Заполучить в свои руки инквизитора с кольцом для изучения – мечта многих нелюдей.

– Но она же человек.

– Вот только султанат ее – марионетка гномов, своего рода буфер, прослойка для защиты. Не более того.

– И что делать?

– Ну… – задумался Диконтра.

Мы молчали, напряженно ожидая, чего такого выдаст начальник. Причем мой наставник смотрел с не меньшим вниманием, чем я.

Глядя на главу городской инквизиции, мне невольно вновь вспомнились «Шпионские игры» с молодым Брэдом Питтом. Вербовка, агенты, борьба разведок… Я незаметно поежился. Подобные игры бывают очень опасны, иногда – фатально. Влезать еще и в это? Не очень-то и хотелось. Но мое мнение тут никого не волновало. Вот и Диконтра, отмерев, мазнул по мне прищуренным взглядом и сказал:

– Попробуем сыграть на их поле. Она будет пробовать вербовать тебя, а ты завербуешь ее.

– Как?

– Как-как, через постель.

Я ошарашенно уставился на произнесшего это Амниса.

– То есть вы мне предлагаете совратить эту девицу?!

– Ну, во-первых, девица она или уже нет – мы не знаем. Вот как раз и проверишь. А во-вторых, внешность еще ни о чем не говорит. Магистры магии жизни могут выглядеть хоть на десять лет, и это безо всякого оборотничества или иллюзий, просто преобразовав собственное тело, – спокойно ответил мне Гоул.

– Но она же считает, что у меня обет безбрачия, и если я его нарушу, то перестану представлять для нее интерес!

– А вот для этого ты ей расскажешь, что есть одно исключение.

– Какое?

– Настоящая любовь.

Посмотрев на мое лицо, оба инквизитора дружно расхохотались.

– Да просто скажешь, что оформленный по всем правилам перед богами брак позволит обойти обет, – пояснил глава, отсмеявшись.

– Эй! – произнес я от неожиданности. – Я о женитьбе вообще пока не думал!

– Естественно, что не думал, – фыркнул начальник, – первые пять лет инквизитору жениться запрещено.

– Так все-таки есть обет… – протянул я, осмыслив услышанное.

– Не обет, – буркнул Амнис. – Ты «Наставления инквизитору» внимательно читал? Там все прекрасно расписано. После пяти лет при переводе на конечное место службы разрешено вступать в брак.

– А до этого?

– А до этого придется потерпеть, – назидательно произнес мой наставник.

– А как же совращение этой Ниике? – упавшим голосом вопросил я.

– В оперативных целях по постановлению, подписанному начальником управления, можно.

– Постановление на разврат?

В ответ на мою кривую ухмылку Амнис буркнул:

– Вот поработаешь с годик да поймешь, что здесь и как, и, уверяю тебя, позабудешь, как улыбаться.

– Ладно. Допустим, я согласен, – я проигнорировал иронично вздернувшуюся бровь наставника. – А что дальше делать-то? Меня этой вашей вербовке не учили.

– Что ж, это как раз дело поправимое, – ответил Диконтра. – Сейчас быстренько план по оперработе накидаем и подумаем, как тебя к этой Ниике подвести, чтоб та подвоха не почуяла.

Я слегка успокоился. Все-таки если меня будут направлять такие опытные товарищи, то сильно налажать я не должен.

– Да, кстати, а что у тебя с лицом? – словно только что меня увидев, поинтересовался Амнис, останавливаясь взглядом на опухшей половине моего многострадального фэйса, и я вспомнил, какой еще вопрос хотел решить.

– Да одеяния эти ваши, – я двумя пальцами подхватил и приподнял полу робы для демонстрации, – все из-за них. Они же совершенно неудобные, в них ни побегать, ни нормально подвигаться, зато вот убиться – запросто. Можно мне что-то более свободное?

– Нельзя, – мгновенно дал ответ мой наставник, но Диконтра, приподняв ладонь, удержал его от дальнейших слов.

– Что, так сильно мешает?

– Вы даже не представляете как, – ответил я, с надеждой глядя на главу.

– Ладно, есть один вариант. Используется инквизиторами в зоне боевых действий и в рейдах. Практичный, удобный, с хорошей защитой.

– А не чересчур будет, командор? – вклинился Амнис, с сомнением поджав губы.

– Не чересчур, – спокойно сказал Диконтра. – У него там скоро такая обстановочка будет, что ему граница курортом покажется. Так что сходите-ка на склад, пусть ему выдадут комплект ПСИ-защиты.

– ПСИ? – переспросил я.

– Полевое снаряжение инквизитора, – расшифровал поднимающийся из кресла наставник. – Пошли, подберем на тебя.

Однако местный каптер на складе уперся рогом, не желая выдавать мне означенное обмундирование.

– У меня всего два комплекта новых – на вас да на главу, – ездил он по ушам Амнису. – Мы же городское управление, да еще с магической академией под боком. Не граница и не территориальный отдел. Ну не положено нам. Я сколько письма в канцелярию писал, всегда один ответ: только на руководство и ни комплектом больше.

– Не зуди, Ставрыч, – вздохнул замначальника, – понял я тебя. Но это новые, а если бэу поискать?

– Без ножа режешь, – вторил ему тяжелым вздохом собеседник. – Я же для парней держу, вдруг им гнездо вампирское брать или логово еще какой нечисти, не в тряпках же идти. А этот, – каптер чуть презрительно кивнул в мою сторону, – знаменитость наша местная, в академии безвылазно сидит, ему-то зачем?

– Надо, Ставрыч, надо, – ответил Амнис, но по голосу чувствовалось, что высказанное мнение он отчасти разделяет. Стало даже немного обидно. Вот уж где-где всякая жесть творится, так это в академии. Что ни день, то происшествие.

Мысль о том, что причиной большей части этих происшествий был я сам, я старательно от себя отогнал.

– Ладно, – махнул каптер рукой, – выдам, так и быть. Есть у меня тут один запасной.

Он долго рылся где-то в потемках длиннющего, теряющегося в темноте склада, а затем, кряхтя, припер объемистый тюк, завернутый в какую-то дерюгу, и с облегчением скинул на стойку.

– Вот, держи, пользуйся. Уникальный комплект, в единственном экземпляре, от души, можно сказать, отрываю, – с широкой улыбкой всучил мне принесенное кладовщик.

Под его добрым взглядом я осторожно развернул тюк из трещащей и расползающейся под пальцами ткани, и оттуда на свет показался матово блеснувший металлом нагрудник с каким-то иероглифом на груди.

Увидев его, Амнис присвистнул, а затем, посмотрев на каптера, произнес:

– Ну ты дал, Ставрыч. Ему же лет с тыщу, он еще битвы с эльфами помнит.

– Ничего не знаю, просили ПСИ-защиту – я дал. Другой нет.

– Ну ты и жук… Ладно, забирай, – махнул мне рукой наставник.

Я, послушавшись, взял весомо легшую мне на руки броню. Не совсем, правда, уловив, в чем же тут подвох.

Понимание пришло чуть позже, когда мы вернулись обратно в кабинет Амниса. Едва взглянув на комплект в моих руках, Диконтра с изумлением уставился на своего зама и спросил:

– И где вы этот антиквариат добыли?

– Ставрыч у себя держал, видать, запасы старые раскопал где-то, – сообщил хозяин помещения.

– М-да, годы идут, а он все не меняется, – хмыкнул командор. – Так и норовит спихнуть неликвид…

– А что не так? – поинтересовался я, не понимая, чего все так реагируют на броню в моих руках.

– Да вообще-то все так, – ответил Амнис. – Просто это броня из того периода, когда инквизиция только-только возникла, как раз после раскола империи Ларт на множество независимых государств. Часть этих государств впоследствии удалось вновь объединить уже в империю Карн, не в последнюю очередь благодаря инквизиции, но она, к сожалению, занимает лишь малую долю былой территории.

– А с остальными что произошло? – продолжил расспрашивать я.

– Частично были уничтожены нелюдью, частично – порабощены. Кто-то, как Кайратский султанат, сохраняет видимость независимости, но, в общем, ничего хорошего.

– А почему империя развалилась?

– Потому что пришедшей в наш мир нелюди нужны были ресурсы и территории, – печально улыбнулся Диконтра, закончив за Амниса.

– В этой броне первые инквизиторы огнем, мечом и железной рукой восстанавливали мир и карали стервятников, пирующих на костях империи, в первых рядах отбивали наскоки эльфов, вампиров и прочих жадных до наживы врагов, не щадя ни своих, ни чужих, – после недолгой паузы вернулся к теме мой наставник. – Сейчас уже мало кто помнит, как она выглядит, да и вообще тот период истории не принято вспоминать, но когда-то она внушала страх и трепет одним своим видом. Материал нагрудника остался секретом империи Ларт, поэтому других таких больше не делали. Впрочем, инквизиция давно уже использует современные материалы, которые ничуть не хуже и даже более легкие в сравнении с этим, но и данная броня вполне себе надежна.

– А что за иероглиф? – спросил я, еще раз внимательно изучив выпуклый металл, отмечая ранее не замеченные мной царапины и выправленные вмятины.

– Это знак инквизитора, а до того он был знаком армейского комиссара армии Ларта.

– Что-то напоминает… – нахмурился я.

– На кольцо свое взгляни, – буркнул Амнис, и я действительно, подняв печатку к глазам, обнаружил там похожий, хоть и немного отличающийся иероглиф.

– А этот что означает?

– Инквизитор, он же комиссар третьего ранга.

– И у вас?

– И у меня, – наставник показал свое кольцо. – Только в моем случае – комиссар первого ранга.

– То есть, – я пристально взглянул на старших товарищей, – инквизиторы – это, по сути, комиссары ушедшей империи?

– Так и есть, – кивнул Диконтра. – После развала империи комиссары остались единственной почти не поддавшейся тлетворному влиянию этого «парада суверенитетов», – глава почти выплюнул последние слова, – структурой, что в новых реалиях и была преобразована в инквизицию, которую ты видишь теперь.

Я лишь помотал головой, с очумением воспринимая новую для себя информацию. Да уж, чем больше я узнавал об этом мире, тем серьезней к нему относился.

Армейские комиссары, это ж надо!

Глава 6

– А портаните меня в академию…

Не успел я договорить, как передо мной открылась воронка прохода, и, не прощаясь, я, держа перед собой обеими руками тюк с инквизиторской броней, шагнул в нее, чтобы мгновением спустя оказаться на брусчатке прямо перед собственным общежитием.

«Удобно, – с мысленным вздохом подумал я. – Когда уже сам так смогу?»

– Вот ты где! – раздался знакомый голос, и, опустив тюк, я увидел стоящего возле общаги Глушакова.

Сергей внешне выглядел спокойным, но казалось, что внутри у него засела скрученная и сжатая до предела пружина, настолько он был напряжен. В темном, каком-то полувоенном облачении, с блестящими на предплечьях металлическими накладками да перепоясанный ножнами с не слишком длинным клинком, он вызывал стойкое ощущение нависшей над головой грозовой тучи, только и ждущей повода грянуть.

– Эм… – я с опаской оглядел его сверху донизу. – Случилось чего?

– А вот это ты мне скажи, – ответил трудовик. – По городу гуляют слухи, что инквизиция пачками арестовывает магистров. Архимаг, говорят, тоже в тюрьме. Кто-то слышал крики пытаемых. Несколько весьма влиятельных людей спешно покинули империю. Еще и Иквус куда-то пропал. Как считаешь, это тянет на «случилось»?

– Да блин… – протянул я, понимая, что людская молва опять раздула из мухи слона. Вот и Глушаков уже в полной готовности, и не он один, похоже. – Все не так, Серег, как кажется. Ты, главное, не волнуйся, это просто недоразумение.

Я торопливо обрисовал товарищу истинную подноготную происходящего, и Глушаков пусть не сразу, но расслабился, становясь вновь привычно добродушным, хоть и с легким налетом печали в глазах, преподавателем академии.

– Точно? – переспросил он в конце еще раз.

– Точнее некуда, – кивнул я.

– Ну и заварил же ты кашу… – вздохнул Глушаков и посмотрел на хмурящееся небо. Судя по поднявшемуся ветру и тому, что кучевые облака начали сменяться одним широким темным грозовым фронтом, скоро должен был ливануть дождь. Передернув плечами, он качнул головой в сторону входа. – Пошли уж.

На ходу создав небольшую воронку местной дальней голосовой связи, которую я, увы, тоже пока не освоил, трудовик произнес:

– Лика, отбой. Архимаг в порядке, подробности лично.

– Все настолько серьезно? – удивился я, бросив взгляд на товарища.

– Более чем, – ответил тот. – За всю историю империи инквизиция арестовывала архимага и такое количество магистров всего трижды, а делала это ни много ни мало за попытку организации вооруженного переворота и установления магократии. Но там дважды эльфийские уши торчали и еще единожды дело активно финансировалось гномьим золотом. А вот наш архимаг, каким бы ни был, но о перевороте даже не думал. Поверь моей жене, она в этой среде ой как давно крутится. Среди магистров же всякие, конечно, попадаются, но «активно» недовольных не более одной десятой. Поэтому-то магические роды и напряглись. Болтать про душителей свободы и произвол инквизиции легко, но вот когда реально с этим самым произволом сталкиваешься, становится уже совсем не до смеха.

– Да не было произвола, – вздохнул я, – объяснил ведь уже.

– Объяснил, – усмехнулся Сергей. – Вот только со стороны все выглядело совсем иначе. Хотя узнай я сразу, что тут ты замешан…

– А что сразу я? – раздалось ему в ответ мое бурчание.

– Ну, ты меня извини, конечно, Паш, – Глушаков хлопнул по моему плечу, – парень ты хороший, правильный, но с тобой постоянно какая-то ерунда происходит. Не обижайся.

– Да не обижаюсь я. Что поделать, коль везение у меня такое – влипать во все подряд.

– Не только у тебя, – хмыкнул снова Сергей. – Помнится, когда я здесь появился, инквизиция прямо взвыла. Первые полгода я у них через день бывал. Но ничего, обвык, вжился как-то. То ли привык неприятности стороной обходить, то ли они уже сами меня обходят…

– Везет, – протянул я.

Тут мы как раз добрались до моего чердака, где Глушаков сразу по-свойски расположился за столом, наколдовав себе кружку кофе, а я с облегчением опустил на пол тюк.

– Ладно, хватит о везении, – решил Сергей, с видимым удовольствием втянув в себя аромат дымящегося напитка. – Ты лучше расскажи, что такого прихватил. Чувствую ведь – фон магический есть, слабый, но явственный. Вроде что-то знакомое, а вспомнить не могу.

– Да выклянчил в инквизиции на замену балахона этого, – взявшись двумя пальцами, я брезгливо подергал мешковатую ткань. – Какая-то ПСИ-защита, сказали, более удобная, а то с этой я через раз хожу и запинаюсь.

Медленно поставив кружку на стол, Глушаков сглотнул и переспросил:

– Какая, говоришь, защита?

– Ну, ПСИ, – повторил я немного смущенно. – Ты не думай, это просто аббревиатура такая, расшифровывается как «полевое снаряжение инквизитора».

– Я знаю, как она расшифровывается, – сказал Сергей, поднимаясь из-за стола. Подошел к тюку. Посмотрел искоса. Добавил: – Просто не поверил сразу. ПСИ-защита – это тебе не просто броня. Это произведение искусства. Сплав магии и технологии. Она не только защищает, но и усиливает носителя, даруя невероятные скорость и ловкость. Видел боевую группу инквизиции в такой защите в деле – крайне занимательное зрелище.

– Да-а?.. – протянул я и под заинтересованно-внимательным взглядом Глушакова распустил завязки тюка, снова открыв взору темную кирасу с иероглифом

посередине.

– Хм… – глубокомысленно выдал Сергей. Посмотрел на меня. – А ты уверен, что это ПСИ-защита? Та, которую видел я, была по типу кольчуги с вплетенными в нее тканевыми нитями, кирасы там точно не предполагалось.

Я засмущался, наверное, даже немного покраснев, и ответил негромко:

– Мне сказали, что это устаревший вариант.

– И насколько устаревший? – поинтересовался трудовик, присев и стукнув пару раз костяшками пальцев по глухо отозвавшемуся металлу.

– Ну-у, в общем, вроде как первые инквизиторы при образовании империи использовали.

– М-да… Вот уж древность, – Глушаков задумчиво поводил ладонью по кирасе и констатировал: – Кое-какие защитные заклинания есть, не развеялись, и это за такой-то срок. Вот только усиления она не дает – лишь защиту.

– Ну хоть так, – облегченно вздохнул я, испугавшись было, что мне подсунули совсем уж бесполезный неликвид.

– Ладно, давай доставай, посмотрим, как оно вообще, – энергично поднявшись с корточек, скомандовал Сергей, и я принялся вытаскивать и раскладывать на полу все содержимое тюка.

По каждому из элементов защиты мой товарищ тут же давал небольшие пояснения, заодно сканируя тот на предмет наложенных чар.

Первой после кирасы на свет показалась блестящая тонкая кольчуга.

– Хорошая вещь. Плетение восемь в один, судя по весу и отблеску, как бы ни мифрил. Очень прочная. Раньше, помнится, мифрил считался лучшим материалом для легких доспехов, но сейчас предпочитают использовать другие.

– А почему от него отказались?

– Не отказались, просто мифрил невозможно зачаровать – у него свои, природные магические свойства против нежити и духов.

Следующими стали мощного вида стальные перчатки.

– О, а про них я знаю, в народе такие прозывают «Кулаками Рандагульфа». По типу зачарования. Неплохо усиливают удар.

– В смысле, удар кулаком? – уточнил я, вертя в руках солидные колотушки с пирамидальными выступами над казанками.

– Он самый. Дай-ка гляну. – Сергей забрал одну перчатку и коснулся пальцами тех самых выступов, после чего сказал удовлетворенно: – А, ну так я и думал. Навершия из хладного железа, очень неплохи против нелюди. Весьма ядовиты и крайне болезненны для тех же эльфов.

Затем я вытащил сапоги с окованными полосками металла носками и пятками, где Глушаков также опознал хладное железо.

Потом были: серая стеганка, которую Глушаков обозвал гамбезоном, стеганые же черные штаны и какой-то непонятный длинный кусок ткани алого цвета.

– О, кушак! – воскликнул Сергей, разворачивая ткань и складывая ту в несколько слоев.

– Для чего он? – спросил я.

– Служил изначально вместо боевого пояса, для закрепления на поясе ножен сабель и пистолей. Потом стал частью парадного доспеха. Иногда использовался в качестве декоративного элемента, либо знака различия. Ну это в нашей истории, конечно. Тут я такое, как элемент доспеха, вижу впервые, – ответил Глушаков. – Он, кстати, еще и зачарован, правда, пока не могу понять, на что именно. Не чувствую контрответа.

– Не опасно?

– Да вроде нет. Не пойму вообще, на что реагирует. Единственное, что могу сказать: это не боевое заклятье.

– Ну и ладно, – решил я. – Зато красивый.

– Все? – спросил Глушаков, разглядывая опустевший тюк.

– Да вроде, – почесал я затылок.

– А шлем где?

– Не знаю. Не дали, наверное, – развел я руками.

Сергей вздохнул и вдумчиво произнес:

– Жаль. На шлемах, как правило, самые интересные зачарования, да и полный комплект может еще каким-нибудь интересным магическим свойством обладать. Ну да ладно, что дали, то дали.

– Надеваю? – посмотрел я на него вопросительно.

– Давай, – кивнул он, отходя и снова усаживаясь за стол. После чего заметил, прищурившись: – Как раз увидим, как выглядели инквизиторы тысячу лет назад.

И я надел. Хоть и не так быстро, как хотелось бы. Ну а попробуйте вот так с ходу натянуть ту же кольчугу. Сноровка нужна. Так что я, натянув штаны с гамбезоном и вбив ноги в сапоги, уже кое-как напялил мифрильную кольчугу поверх. Благо что Серега подсобил немного. Он же помог и правильно надеть кирасу.

– Тяжеловата, – пропыхтел я, чувствуя, что полностью одетый доспех весомо давит на плечи.

– Ну-ка, а с кушаком? – Глушаков намотал его мне на поясе, и стоило только затянуть на боку узел, как мне тут же полегчало, и я с легким изумлением воззрился на довольно лыбящегося товарища.

– А так легче! – сообщил я вслух и даже пару раз подпрыгнул, чтобы убедиться в реальности ощущений.

Прыгалось легко, и Глушаков, кивнув, констатировал:

– Заклинание снижения веса. Весьма специфическое, немудрено, что сразу не узнал. Пусть чуть-чуть, а все же другая школа.

Мне захотелось попробовать что-нибудь эдакое, и я с коротким хеканьем совершил кувырок вперед. На удивление, вышло достаточно тихо, и, что главное, доспех ничуть не сковывал движения, а гамбезон прекрасно самортизировал, оставив массу благоприятных впечатлений.

– Здорово! – выдохнул я.

– А был бы современный комплект – и ты бы сейчас и по стене пробежаться смог, и тройной кувырок в прыжке сделать, – заметил Сергей.

– А-а, – махнул я рукой, – слишком хорошо – тоже плохо, – и, удовлетворенный, пошел к зеркалу.

Ну что сказать, смотрелось внушительно. Алый кушак, блестящие рукава мифрильной кольчуги, массивные «кулаки» латных перчаток, окованные сапоги и чуть высовывающиеся из-под кольчуги штаны, в эти сапоги заправленные – натуральный рыцарь. Вот только шлема действительно не хватало.

«Надо будет поискать, – решил я, – а то действительно какой-то неполный образ получился».

Тут еще и игроманское прошлое вдруг взыграло. Как же, рарный сет редкой классовой брони и, понимаете ли, некомплект. Непорядок!

– Опять ерундой страдаете?.. – впорхнув через окно черной тучкой, материализовалась в моем скромном жилище Элеонора. – Ой! – совсем по-девчачьи вскрикнула она, когда, дернувшись на голос, я резко развернулся.

Страх. Пусть на секунду, пусть мимолетно, но самый настоящий страх увидел я в ее глазах, когда магичка отшатнулась назад, рефлекторно прижимая руки к груди. Шагнув за ней следом, я, подчиняясь какому-то наитию, схватил ее, грубо прижал к себе и впился в приоткрытые губы, жадно целуя. И в этот раз меня не оттолкнули, не попытались ударить. Наоборот, когда прошел первый ступор, я почувствовал, как она чуть обмякла в стальном кольце моих рук, а спустя пару секунд и ответила на поцелуй.

Сказать, что мы целовались целую вечность, было бы, конечно, большим преувеличением, но с полминуты она от меня не отрывалась точно. Потом, когда я, несколько смутившись такому своему напору, ее отпустил, она, поправив сбившуюся прическу, задумчиво оглядела меня и произнесла чуть с хрипотцой:

– А ты и в самом деле изменился, Паша. Да и броня эта, веет от нее… Я в первый момент тебя даже не узнала. Почудилось, что стоит кто-то грозный и опасный, до того опасный, что даже холодок по телу пробежал.

Смутившись еще сильнее и не зная, что на это ответить, я поинтересовался:

– А резерв-то подрос?

– Подрос, – ответила она. Затем как-то так, по-особенному провела ладонью по черной ткани на моей груди и, чмокнув в губы еще раз, произнесла:

– Ну все, мальчики, мне пора. Много не пейте и не шалите. Пока!

Снова превратившись в черную тучку, она так же, как и прилетела минуту назад, унеслась прочь, вновь оставив нас с Глушаковым вдвоем.

Я обернулся, чтобы увидеть, как Сергей показывает мне большой палец.

– Мужик! Давно пора.

– Блин, не знаю, что на меня нашло… – почесал я затылок.

– Да неужели? – хмыкнул трудовик, улыбаясь. – Это, Паш, называется «вера в себя».

– Ну да… – протянул я с некоторым сомнением. – А может, это броня? Действует на меня таким образом, что я себя круче гор почувствовал, а?

– Да что броня, – отмахнулся Глушаков, – железка. Дух и сила воли – вот что решает. А броня так, придает чуть больше уверенности и только, остальное – ты сам. Хотя не спорю, в древности инквизиторы знали толк в обмундировании. Смотришься очень убедительно.

– Шлем бы еще…

Я подошел обратно к зеркалу, снова взявшись за разглядывание себя любимого.

– И плащ.

– Черный с красным подбоем? – ненавязчиво поинтересовался Сергей, и я кивнул:

– Смотрелось бы шикарно.

Покрутившись перед зеркалом еще немного, я невольно задумался о прогрессирующем нарциссизме и, со вздохом отвернувшись, сказал:

– Ладно, хватит любоваться. Есть дела и поважней.

– Как и у меня, – хлопнув ладонями по коленям, решительно поднялся Глушаков. – Пойду жену успокою, да и остальных тоже.

Сергей не стал уточнять, кого именно причислил к «остальным», но я и так понял. Судя по всему, магическое сообщество серьезно так напряглось, приняв за арест то, что в тюрьме оказались архимаг и К

. Впрочем, так все и выглядело со стороны, это я должен признать. Возможно, данные действия даже приняли за начало массовых репрессий со стороны инквизиции. Хотя тут палка о двух концах: раз боятся, значит, есть грешки за душой, а некоторая встряска будет магам даже полезна для поддержания в тонусе.

В этот миг я весьма едко и хищно усмехнулся.

Потом, правда, слегка удивился тому, какие, оказывается, мысли бродят в моей голове. Похоже, сказывалось продолжительное общение с другими инквизиторами, и их коллективное бессознательное уже начинало влиять и на меня.

– Тэк-с, – пробормотал я, когда Глушаков исчез в портале, – пора бы заняться и Ниике-хатун.

Тут некстати вспомнилось, что я опять забыл передать Сергею заявку на новые «калаши» для инквизиции. Поставил себе в памяти зарубку: обязательно в следующий раз сделать. А то, не дай святая инквизиция, выговор влепят. У них с этим строго.

Кроме как в женском общежитии селиться девушке было негде, и поэтому я знакомым маршрутом, по которому не раз провожал до дверей девчонок своей группы, направился туда. Вот только дождь все-таки грянул, разом, словно тропический ливень, обрушившись с неба сплошной стеной воды, и я, распахнув дверь, мрачно обозрел и не думающую прекращаться непогоду, после чего, чертыхнувшись, принялся вспоминать заклятье зонтика из курса трудовой магии за прошлый год.

Задумчиво выведя короткий иероглиф, напоминающий букву «Т» с волнистой поперечной чертой, в воздухе перед собой и влив чутка силы, я с удовлетворением заметил, как в полуметре надо мной возникло слегка дрожащее марево силового купола. Все-таки за время вынужденного сидения в каземате я неплохо отработал все те немногие заклятья, что были мне известны. Особенно бытового назначения, коими так усердно пичкал студентов Сергей.

Дождь яростно хлестал по созданному мной куполу, но ни единой капли не долетало до темных доспехов. Лишь разлетались в стороны брызги под тяжелой поступью инквизиторских сапогов.

«Что-то на пафос потянуло, – подумал я, – неужели доспехи так на меня действуют? Хотя мечтал же раньше о чем-то эдаком. Вот и сбылась мечта идиота».

Погруженный в свои мысли, я на автомате дошагал до дверей женского общежития, зашел под козырек над входом и, развеяв купол, коротко постучал.

Правда, через пару секунд понял, что это было весьма бессмысленное действие. Вряд ли прямо за дверью кто-то ждал, что я приду. Поэтому в следующий момент я просто толкнул дверь от себя. Вот только та не поддалась, закрытая на какой-то замок. С досады поджав губы, я сжал кулак и саданул по двери уже им, совсем забыв, что на руках у меня далеко не обычные перчатки.

С грохотом замок вывернуло из дверного полотна, и ничем больше не удерживаемая дверь, покореженная и ощетинившаяся щепой, стремительно распахнулась в полутьму общажного вестибюля.

За спиной сверкнула молния, высветив на противоположной стене мой занимающий почти весь проем грузный силуэт. Громыхнуло.

– А-а! – раздался пронзительный женский крик, и, шагнув внутрь да чуть привыкнув к полумраку, я увидел забившуюся в угол бабку-вахтершу с разинутым в крике ртом и выпученными глазами.

– Инквизиция, – произнес я, мучительно соображая, как бы успокоить впавшую в истерику женщину. – А Ниике-хатун где живет?

Крик начал стихать, видимо, кончился запас воздуха в легких, но заметив, что бабка, набрав новый, собирается завопить еще раз, я, изловчившись, прямо в латной перчатке нарисовал в воздухе перечеркнутый круг, бросая на вахтершу так называемую «молчанку» – заклятье немоты.

Сработало – та застыла, беззвучно, словно рыба, разевая рот в наступившей тишине.

– Спасибо, – буркнул я, – сам поищу.

Сразу было видно, что общежитие женское. Какие-то цветочки на подоконнике, пальмы в кадках, паласы на полу, шторки на окнах в коридоре. И сладковатые, еле уловимые ароматы витающих в воздухе духов.

– Как же здорово, когда большинство девчонок еще не приехало! – раздалось вдруг из приоткрытого проема одной из дверей, что тянулись рядом вдоль коридора.

– Это да, и самое главное – нам никто не мешает, – проворковал томно второй голос. Тоже женский.

Поравнявшись с открытой дверью, я с любопытством заглянул внутрь и увидел двух старшекурсниц лет двадцати на вид, брюнетку и блондинку, что страстно целовались, лапая друг дружку за, так сказать, грудь. Голую… Голые. Что характерно, третий размер у обеих.

– А-а! – снова раздался крик, теперь уже на два голоса, когда бесстыдницы, нацеловавшись, обнаружили меня.

«Грешницы, – мелькнула неодобрительная мысль. Мелькнула – и пропала, а я подумал: – М-да, ну и нравы у современной магической молодежи».

Дверь комнаты резко захлопнулась перед моим лицом, и я, выждав пару минут, пока девчонки успокоятся, аккуратно постучал.

– Д-да? – раздался из комнаты тоненький дрожащий голосок.

– Инквизиция, – снова представился я.

– Мы больше не будем, честно! Только не говорите родителям! – запричитали из-за двери.

– Больно надо. Занимайтесь чем хотите, только дверь закрывать не забывайте, – произнес я с легкой иронией. – Я здесь по другому вопросу.

– Правда? – робко переспросили меня.

– Правда-правда, – ответил я, и дверь со скрипом отошла, приоткрывая побелевшее от испуга лицо брюнетки.

«А ничего так, – подумал я, – грешница. Симпатичная».

– Скажи, красавица, – обратился я к ней, – а не знаешь ли ты часом, где живет Ниике-хатун, студентка из султаната?

– На третьем, в конце коридора, – пискнула та.

– Спасибо, красавица!

Я церемонно наклонил голову, прощаясь, и, развернувшись под ее ошарашенным взглядом, направился к лестнице.

Усмехнулся, услышав за спиной звуки поспешно закрываемой на все замки двери. Все-таки произвожу впечатление.

Комнату Ниике-хатун я нашел быстро. Помог нарисованный на двери знак султаната. Его я уже видел, правда, не мог вспомнить, где именно. Дверь такая была одна, так что вероятность ошибки отсутствовала.

Постучав и увидев открывшую дверь девушку, я улыбнулся.

– Здравствуй, Ниике.

– Вы?!

– Я.

Подхватив девушку за талию, я приподнял ее и крепко поцеловал в губы.

– Что… что… что… но… ваша сила!.. – только и смогла вымолвить она, когда я поставил ее обратно на пол.

– Есть один способ, – негромко сообщил я.

– Какой?

– Брак перед богами, – ответил я и испытующе взглянул на охнувшую от неожиданности девицу. – Только он не нарушит мой обет.

– Но что… как… ох! Почему я вообще?!.. – возопила та наконец, отходя от первоначального шока. – Вы враг, вы хотели убить моих близких, я же вас ненавижу!

– А я тебя люблю, – ответил я спокойно, глядя прямо на нее.

Она замерла, прижав руки к груди, не отводя взгляда от меня, и я почувствовал, как невидимая, незримая нить словно соединила нас. Связав крепче судьбы, крепче всего, что было раньше.

Все окружающее медленно пропало, оставляя лишь бездонные озера ее глаз.

И только нудно и навязчиво капал где-то не до конца закрытый кран, нарушая установившуюся тишину.

Глава 7

Уже у себя на чердаке, скинув доспехи и свалив их бесформенной кучей на полу, я бросился умываться и вдруг понял, что у меня дрожат руки. Вот натурально так ощутимо подрагивают. Да и вообще, когда мне вспоминалось все произошедшее, меня начинало попеременно бросать то в жар, то в холод. Картины того, как уверенно и хладнокровно я себя вел… Скажи мне кто раньше, что я, ничуть не смутившись, буду общаться с девушкой, которую только что застал полуголой и целующейся с такой же полуголой подругой, а затем хватать другую, совсем малознакомую девушку и взасос целовать, да еще и совершенно спокойно врать про любовь, проникновенно заглядывая ей в глаза… Пожалуй, в ответ я только похмыкал бы да вздохнул, что мечтать не вредно.

И эта любовь… Я взрослый, в меру циничный и прекрасно знающий, чего хочу, мужик. Что Ниике мне нравится – не отрицаю. Красивая молодая девушка с отличной фигуркой, темпераментная, что добавляет пикантности… но вот прям головокружения, да даже просто влюбленности я к ней не испытывал. Просто в

силу возраста, давно уже, между прочим, не восторженно-мальчишеского.

Щеки мои заалели от нестерпимого стыда, когда я взглянул на самого себя в небольшое зеркало, прибитое над раковиной. Девчонке-то лет восемнадцать-девятнадцать всего, и такое заявление о высоких чувствах на нее явно сильно подействовало – то-то она стояла словно пыльным мешком ударенная. Задание, мать их. Завербовать, фиктивный брак, обман, обман, обман… А каково будет ей, когда она все узнает? А она узнает. Когда-нибудь же эта игра в шпионов закончится.

Кое-как обтерев морду лица, я полез в стол за заначкой, когда-то притащенной Глушаковым. Бутылкой вискаря в картонной коробке. Разорвав упаковку варварски по сгибу, я схватил ее одной рукой за горлышко, а другой – за квадратное тело, и попытался скрутить заклинившую крышку. Не смог. Крутанув сильнее, внезапно отломил вместе с горлом. Махнув рукой, плеснул вискарь из обезглавленной бутылки прямо в рот.

Закашлялся, буквально передернувшись всем телом от явно отдававшего сивухой пойла. Отдышавшись же, глотнул еще.

– Вот же работенка, – буркнул мрачно, плюхаясь на стул. Поерзал, не зная, куда деть руки. Оглядевшись вокруг, понял, что на родном чердаке не хватает классического кресла. Большого, кожаного и мягкого. То-то гости со своими тронами ходят. – Врать, совращать, психологически давить, – произнес я в пустоту помещения. – Что дальше? Хладнокровные убийства, казни, массовые расстрелы?

Я угрюмо взглянул на прислоненный к стене «калаш». Налет романтики со службы в инквизиции сдувало буквально на глазах. Теперь уже артефакт не казался мне столь здоровской штукой. А ну как дадут приказ его использовать по прямому назначению? Я ведь не могу просто так взять и убить кого-то по указке сверху. Мне надо знать, что этот человек действительно плохой – маньяк, убийца, насильник. Вот такого да, расстреляю не задумываясь. А просто кого-то неизвестного… Хладнокровно убить? Просто потому что это – приказ, а приказы не обсуждают?

В горле пересохло, а в висках застучало, запульсировало тревожной жилкой. Я стряхнул пот со лба, прикрывая глаза, не в силах разрубить гордиев узел

противоречий, бродящих в моей голове.

Внезапно кольцо на пальце чуть потеплело, слегка кольнуло, и меня начало отпускать. Тело стало ватным, глаза затуманились. Я почувствовал, как бутыль выскальзывает из пальцев, со стуком падая на пол. Мутным взглядом проводив тихо выбулькивающееся на пол виски, растекающееся янтарной лужицей, вырубился.

* * *

Просыпался я с отчетливым ощущением помойки во рту и под отдающийся звоном в голове настойчивый стук в крышку люка, ведущего на чердак.

– Войдите! – крикнул я, морщась от скрежета собственного голоса, и подумал, тихо проклиная все на свете: «Что за гадость Серега притащил? Натуральная сивуха какая-то. И выпил вроде немного, а ощущение, как будто пиво с димедролом полночи глушил».

С опозданием я понял, что малость не одет, но люк уже распахнулся, и на чердак залезла вчерашняя полуголая брюнетка. Вернее, конечно, сегодня она была уже одетая, просто запомнил я ее именно такой.

С легким презрением оглядев мой непрезентабельный вид – опять в одних трусах и майке – и поморщив носик от до сих пор витающих в воздухе алкогольных паров пролитого вискаря, она уселась на освобожденный мною стул и, сощурив глаза, сурово спросила:

– И чего же вы хотите?

– Чего хочу? – переспросил я, удивленно подняв брови.

Что-что, а такого вопроса я не ожидал. Сумела удивить темноволосая красотка, сумела.

– Да, вы! – нетерпеливо подтвердила девица.

– Да вроде ничего не хочу, – все еще не понимая претензий, пожал плечами я.

Девушка поджала губы, прожигая меня взглядом, а затем вновь заговорила:

– Если бы вы рассказали то, чему свидетелем стали, то уже с утра академию наводнила бы моя чрезвычайно возмущенная родня. Но так как их здесь нет, значит, вы по какой-то причине эти сведения своему начальству не передали. Насчет ваших командоров я не обольщаюсь – уж они-то точно, зная, как я терпеть не могу их, да и всю эту вашу инквизицию, не преминули бы доложить отцу столь пикантный факт о моих… взаимоотношениях. Поэтому повторяю вопрос: чего вы хотите?!

– Ох, – поморщился я от прострелившей голову боли. – Девушка, да я вас даже не знаю, чтобы что-то от вас хотеть. Вы бы хоть представились для начала.

– Да-да, – иронично произнесла брюнетка, – вы еще скажите, что в том месте и в тот момент оказались совершенно случайно. Ну да ладно, раз вы хотите продолжать эту непонятную игру, так и быть, представлюсь… для протокола, – язвительно добавила она. – Наследная принцесса империи Карн Анни-Мирна Алдигер Ваглисеррская, старшая дочь императора и первая в очереди на престол. Удовлетворены, святой отец?

– Кхе-кхе, – прокашлялся я и ответил мгновенно ставшим сиплым голосом: – Вполне, принцесса.

– Прекрасно. Итак, вы ответите мне, почему до сих пор не сообщили о столь ужасающем факте распутного поведения наследницы престола? – с легким сарказмом поинтересовалась девушка.

– Честно? – спросил я.

– Конечно.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но в первую очередь, пожалуй, потому, что на самом деле вас не узнал.

Про себя же подумал: «И узнать не мог. В глаза ведь даже портретов правящей фамилии не видел. Так и императора где-нибудь встречу и мимо пройду».

– Все пытаетесь играть? – дернула бровью моя собеседница.

Она зачем-то огляделась вокруг еще раз, затем, словно заново увидев, повторно осмотрела с ног до головы меня.

– А вы ведь пили! – чуть изумленно констатировала Анни-Мирна.

Я только вздохнул да кивнул головой.

– И судя по вашему виду, не просто пили, а нажрались в говно, уж простите за мой эльфийский, – она испытующе заглянула в мои глаза. – Неужели хоть у кого-то в вашей насквозь прогнившей организации нашлась совесть, чтобы не играть в эти поганые политические игры?

Я промолчал, не совсем понимая, куда принцесса клонит, почему вдруг заговорила за совесть и при чем здесь политика. А девушка, все больше воодушевляясь, продолжила:

– Неужели хоть в ком-то не нашлось желания замараться во всех этих делишках? Честный маг среди кровавых палачей… Вы же честный маг?

Я вновь кивнул.

– Спасибо! – неожиданно проникновенно произнесла собеседница. – Я этого не забуду. Теперь понимаю, почему вы пьете – сложно вот так разрываться между приказами сверху и собственной совестью. Но обещаю, это не будет забыто. И когда стану императрицей, то смогу в полной мере одарить вас. Потому что добро я не забываю. Никогда.

Принцесса встала, уже совсем по-другому глядя на меня, улыбнулась, а затем, кокетливо сощурившись, спросила:

– Я же могу надеяться, что вы и впредь не станете докладывать наверх, если еще что-то узнаете обо мне в этих стенах?

– Конечно, – ответил я, до сих пор не совсем понимая, к чему весь этот разговор про честность и совесть с кровавыми палачами.

– Ваше имя, святой отец! – вдруг как-то торжественно потребовала Анни-Мирна.

– Павел…

– Отныне, Павел, можете считать меня своим другом. Слово наследной принцессы!

– Премного рад, – чуть невпопад произнес я, слегка ошеломленный происходящим. После чего проводил ее высочество, или как уж там этих принцесс зовут, к люку и галантно подал руку, помогая спуститься.

А минут через пять после ее ухода до меня наконец дошло, что за цирк тут сейчас был. Головная боль и вчерашняя пьянка не давали мне нормально соображать, но потихоньку пазл все же сложился в более-менее стройную картину.

Во-первых, я понял, что наследная принцесса – первый кандидат на престол. Во-вторых, она шибко не любит мою контору. В-третьих, эта девица почему-то считает, что инквизиция спит и видит, как бы ее скомпрометировать в глазах папы-императора. В-четвертых, она думает, что пил я из-за моральных страданий по поводу необходимости доложить о ее распутстве, а не доложил из-за высоких человеческих качеств.

И теперь я – ее друг.

Полный кабздец. Как там говорилось? Избавь нас, Мерлин, равно от барского гнева и барской любви? Ну или как-то близко по смыслу. Оказаться замешанным в борьбе за престол – да большего «счастья» и представить сложно! И послать-то не пошлешь, мстя женская страшна. Особенно с девичьей-то памятью. Отомстит, забудет, снова отомстит.

Засада. Особенно в свете того, что надо решить, докладывать ли начальству об этом визите или нет. И ведь Амнис, гад такой, ни словом не предупредил, что данная особа обучается в академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Престиж-класс не получает штрафов при разнице в ранге более чем на один с основным классом, а персонаж не считается мультиклассовым.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kurzancev_aleksandr/inkvizitor-ponevole

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить